

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

**РАЙ
БЕСПОЩАДНЫЙ**

Рай беспощадный

Артем Каменистый

Рай беспощадный

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Каменистый А.

Рай беспощадный / А. Каменистый — «АЛЬФА-КНИГА»,
2012 — (Рай беспощадный)

ISBN 978-5-9922-1093-4

Когда падает звезда, принято загадывать желание. Но будь осторожен: даже если неугомонный приятель мешает романтическому свиданию, не пожелай ему оказаться как можно дальше. Вдруг сбудется и ты угодишь сюда – в тропический рай. Новые друзья и подруги, чистое теплое море, горячий коралловый песок пляжей, кокосовые пальмы и кое-что еще – все это теперь твое. Пользуйся. Владей. Наслаждайся. Если сможешь выжить.

ISBN 978-5-9922-1093-4

© Каменистый А., 2012
© АЛЬФА-КНИГА, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	62
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Артем Каменистый

Рай беспощадный

Пролог

В последние годы число без вести пропавших в России устойчиво колеблется по разным данным от 70 до 100 тыс. человек в год. Вместе с ранее пропавшими, которых ищут от года до 15 лет, общая цифра составляет в пределах 120 тыс., причем примерно 25 % из них – дети и подростки.

В 2001 году более 840 тысяч американцев были объявлены пропавшими без вести в ФБР. Это почти один из каждых 300 человек! В других странах это соотношение еще выше, а в Австралии это один из каждых 100.

Информация с просторов Интернета

Возьмите компакт-диск и рассыпьте на его поверхности жменью риса. Назовите центр диска Солнцем, а зерна – планетами, спутниками планет, астероидами, кометами, метеороидами. У вас получится примитивная модель Солнечной системы, в которой компакт-диск играет роль плоскости эклиптики. Все вещество в нашей системе концентрируется вблизи этой незримой плоскости, образуя исполинский блин, вращающийся вокруг своего центра.

Считается, что эта особенность космической архитектуры является следствием процессов, протекающих на поздних стадиях эволюции протопланетного облака. Но если взять структуру более высокого порядка – нашу галактику, – то и там мы можем наблюдать аналогичное явление: галактический диск, вращающийся вокруг своего центра. И даже более того: известны некоторые скопления галактик, вероятно устроенные по тому же принципу.

Кто знает – не исключено, что вся наша Вселенная такой же «компакт-диск», где «зернами риса» служат эти колоссальные скопления.

Вращение вокруг единого центра не подразумевает гармонии орбит, из-за чего при всей пустынности Солнечной системы случаи столкновения небесных тел – явление обыденное. Пока вы дочитали до этого места, произошло несколько сотен тысяч таких событий – речь идет только о Земле и только о пересечениях с объектами, размеры которых существенно больше атома.

Большей части таких миниатюрных космических катастроф человечество не замечает. Из остальных наиболее распространенное явление – метеор. Завораживающий яркий росчерк в ночном небе, оставляемый гибнущим в атмосфере космическим гостем. В особо серьезных случаях, при немалых размерах «гостя», росчерком дело не ограничивается – иной раз даже в солнечный день можно полюбоваться необычным зрелищем: ярким болидом.

Но это – редкость, обычно все ограничивается метеорами.

Наблюдая за траекториями и скоростями метеоров, можно вычислять их орбиты – это ценная научная информация. На ее основе изучают распределение вещества в Солнечной системе, эволюцию небесных тел и многое другое. Имеется и практическая польза: ионизированный газ в следе метеора можно использовать для создания короткодействующих каналов связи.

Иногда, очень редко, анализ треков некоторых метеоров показывает, что они пришли не из плоскости эклиптики. Гости из других систем или даже галактик. Впрочем, в большинстве таких случаев астрономы ссылаются на ошибки измерений. Некоторые даже предполагают,

что ошибочны они всегда. В Солнечной системе плотность вещества ничтожна, но ведь в межзвездном пространстве его на много порядков меньше. Если оттуда и может что-то приходить, то очень нечасто. Нет статистики – нет материала для анализа: в век бурного развития науки явление осталось практически неизученным.

Но все изменилось в один день. От двух до ста восьмидесяти четырех событий в час. Масса данных для анализа. Об ошибках не могло быть и речи: крошечные небесные гости не имели ни малейшего отношения к плоскости эклиптики – они влетали в Солнечную систему по примеру зерен, которые сыпали на компакт-диск в начале этого рассказа. Почти под прямым углом из одной точки небесной сферы. Оставляя на память о себе яркий росчерк в небе – его можно было заметить невооруженным глазом даже днем.

Откуда они появились, мы пока не знаем. Но узнаем – ведь они продолжают прилетать. Значит, данные для исследования накапливаются. Нам обязательно надо это установить.

Ведь после них не только росчерк в небе остается.

С ними приходит беда.

Глава 1

– Смотри, звезда упала! Какая большая!.. – зачарованно, тихо и одновременно звонко произнесла – лишь она одна так умела. – Очень близко упала: мне показалось, что вот-вот – и прямо на макушку приземлится!

Неохотно отведя взгляд от ее коленок, туго обтянутых брючками, Макс задрал голову, уставился в небо. Вечер ясный – даже назойливый городской свет не смог скрыть звезд. На морозце они поблескивают, как льдинки, играющие гранями.

– Загадай желание! Ну же! Быстрее!

– Я не успел. Не увидел ее.

– Максим! Она ведь такая яркая была! Очень яркая! Как можно было не увидеть?! Вот меньше надо на мои ноги смотреть! Тем более что я в таких ужасных штанах!

Смутившись, он неловко возразил:

– Ничего они не ужасные. Нормальные.

– Ага. Хуже могут быть только ватные. На которых номер тюремный ставят. Холодно сильно. Мерзну.

Поднявшись с насеста металлического заборчика, Макс молча начал стаскивать куртку. Но Лера молчать не стала:

– Только не надо джентльмена опять из себя строить! Смешной ты – неужели думаешь, что надену такое? Сидеть просто холодно на этой железяке, а сама не замерзла.

Логика странная, Макс у недоступная, но раздеваться перестал.

Мимо школьного дворика, пошатываясь на ровных местах и неведомым способом удерживаясь от падений на колдобинах, прошел мужчина серьезного возраста. Покосившись на юную парочку, он, движимый чувством любви ко всему человечеству, пьяно предостерег:

– К-красавица! Не сиди на железе! П-простудишь свою... В общем, простудишься! Дочка!..

Проводив его взглядом, Лера недовольно вздохнула:

– Папин сослуживец бывший. Уволили его из-за водки. Похоже, не узнал меня. Совсем спился... Может, пойдем отсюда?

– Домой? – разочарованно вздохнул Максим.

– Вообще-то пора.

– Давай тогда дальней дорогой пойдем? – спросил он с надеждой.

Лера, вздохнув, выдала:

– Вот хороший ты, Максим, во всем, но не хватает тебе настойчивости. Нерешительный ты какой-то. Не трус и не рохля, а просто мягкий, как игрушка, покладистый. Плохо это для мужчины.

Вот что на это можно ответить? Нерешительный? Спасибо, хоть трусливым не назвала. С его физическими данными и упрямым характером мелкие наезды можно вообще игнорировать, снисходительно посматривая сверху вниз на оппонентов: пусть ничтожные моськи лают на слона. Если, конечно, источник наезда – особь мужского пола. Большие люди, как правило, добродушны, и это не просто так – они могут себе это позволить.

А вот с девчонками... Ладно другие, а вот с Лерой у Максима было то, чего никогда ни с кем не бывало, и он даже знать не знал, что такое вообще возможно. Ну не в силах он ни в чем ей возразить. Тупеет в присутствии этого белокурого ангела. Готов любоваться с восторгом щенячьим и мечтать, что этот миг будет длиться вечно. Если раньше мысли были вечно заняты какой-то ерундой, то теперь – лишь Лерой. Глядя на себя со стороны, иной раз удивлялся собственному поведению, но не считал нужным предпринимать попытки к исправлению

ситуации. Его не устраивала лишь ее холодная отстраненность – с остальным готов смириться. Лишь бы они стали ближе друг другу.

Лера при желании могла им вертеть как хотела, и счастье, что такого желания у нее не замечалось. По крайней мере, в слишком явной форме.

– Ну, чего молчишь? Максим, что такое?! Ты не заболел?!

Очнувшись, он покачал головой и неожиданно для самого себя выдал:

– Лер... Я... Я собирался в армию пойти. Пока вы сюда не переехали. Мечтал. Готовился. В десант. Как старший брат. Традиция у нас такая. Военная семья. Все через это проходят.

– А как же университет?! Поступить?!

– Да потом можно поступить.

– Нечего тебе там делать! Ты – светлая голова, умница, спортсмен и всего достигнешь. А там только время потеряешь, чужие носки стирая. Еще и убьют дурачка ни за что!

– Не так все там...

– Вот не надо со мной спорить!

– А ты бы... – сделав долгую паузу, Макс наконец решился – будто в омут с обрыва бросился: – А ты бы ждала меня, если бы я пошел?

Несмотря на полную жизненную неопытность, Лера не стала спешить с ехидной отповедью. Инстинкт, женское чутье и что-то еще подсказывали: момент слишком ответственный. Поднявшись с холодного заборчика, замерла рядом. Стройная невысокая фигурка в короткой шубке укрылась от света пощаженого вандалами фонаря в тени Макса – высокого, широкоплечего, и без того массивного, а толстая куртка это только усугубляла.

– Да, Максим. Ждала бы, – ответила тихо, несмело – слова сами собой вырвались.

Ему не дали прочувствовать сказанное, осознать, спятить от счастья: голос, резкий, возбужденный, визгливый, срывающийся на крик, разрушил сказку:

– Эй! Макс! Привет!

Нехотя обернувшись, недружелюбным тоном, подчеркивающим полнейшее нежелание продолжать диалог, ответил:

– Привет, Жора.

– О! Да ты не один! Лерка?! Привет, новенькая! Я тебя в тени от этого бугая и не заметил! Ха-ха! А чего вы тут стоите?!

Георгий являлся полнейшей противоположностью Максима – был отличен от него абсолютно во всем. Мелкий, подвижный как шарик ртути, крикливый проныра, вечно сующий свой нос куда возможно и невозможно. Живущий в эпицентре главных событий мальчишеской жизни, знающий абсолютно все слухи и нередко являющийся их родоначальником. Макс – живая флегматичная скала, равнодушно (если не сказать заторможенно) позволяющая проноситься мимо волнам мелких событий, – не всегда успевал за стремительностью мыслей соседского парнишки. Вот и сейчас, не понимая, чего он хочет, ответил уклончиво:

– А что нам делать надо? Лежать?

– Ха! А почему на светляк не идете смотреть?

– Какой светляк? – раздраженно и одновременно заинтересованно уточнила Лера.

Нескрываемая досада от того, что разговор был прерван на самом интригующем моменте, перемешивалась с женским любопытством.

Жора, не желая замечать, что является «третьим лишним», опять затараторил:

– Ну вы даете! Да вон он! За котельной! Ослепли совсем?!

Обернувшись в указанном направлении, «Ромео и Джульетта» с удивлением уставились на старое здание котельной. За ним что-то неестественно ярко светилось, отбрасывая причудливые блики на глухую стену близлежащей девятиэтажки. Они прекрасно знали, что дальний угол всегда был погружен во мрак, но и без того нетрудно понять – там происходит нечто необычное. Как минимум Жорик пытается их разыграть, а как максимум...

– Это что – и правда светляк? – недоверчиво уточнила Лера.

Макс молчал, мечтая лишь об одном: чтобы и Жора, и светляк, и котельная сгнули куда-нибудь подальше от него. Жаль, звезды больше не падают – именно такое желание хотелось загадать.

Сосед при всей своей проницательности до сих пор не понял, что присутствие его в данный момент крайне нежелательно, и продолжал свою нескончаемую скороговорку:

– А что же еще! Видели, какая звезда в небе сверкнула?! Звездища! А потом там загорелось это! Леха сразу туда побежал, а я домой на секунду заскочил, за фотиком. На нем видео супер получается – не то что на трубе. Сейчас снимать буду. И вы в кадре засветитесь. Завтра же в сеть выложу или даже сегодня, если братан комп не займет. Прославитесь на весь мир. Ну чего стоим?! Пошли!

Странно, но Макс пошел. А куда деваться, если Лера косится так умоляюще.

Женское любопытство...

Ну почему этот светляк не загорелся немного попозже?

* * *

Несмотря на досаду из-за испорченного чудесного момента, Макс не мог не признать, что ему тоже любопытно взглянуть на светляк поближе. Загадочное явление – никто толком не знает, что это такое. Слухов масса – он даже в сети подолгу копался, из-за природной любознательности стремился найти истину. Но не нашел: ее зерна терялись в массе неправдоподобных домыслов и откровенной чуши. Причем последняя была в большинстве. Особенно пышно она цвела на тысячах сайтов, где кроме псевдонаучной ерунды всегда можно было найти баннеры, рекламирующие услуги по созданию железобетонных убежищ на случай конца света или призывающие обзавестись недвижимостью в сейсмически безопасных регионах вдали от атомных электростанций. Само собой, и адреса магазинов, торгующих всякой всячиной для выживальщиков, там тоже можно было найти без труда.

Неизвестное всегда беспокоит обычных людей, будоражит психов и активизирует коммерческую жилку предприимчивых дельцов.

Все выглядело просто: светляк возникал время от времени, обычно после наблюдения в небе крупного метеора. Свидетелей зарождения было немного, слова их сомнительны, так что доверять им Макс не мог. Но вот не верить в само явление невозможно: тысячи роликов и фоток в Интернете, газетные и журнальные статьи, передачи по телевидению. Даже учитель физики, однажды заведя об этом речь, позабыл про тему урока и до звонка увлеченно рассказывал, что, по его мнению, имеет место реакция холодного термоядерного синтеза, вызванная попаданием пучка космических лучей в богатое водородом вещество.

Странное явление, прежде неизвестное, ворвалось в жизнь человечества неожиданно и уходить пока что не собиралось. Чем дальше, тем более сумасшедшими становились слухи – появилась даже религиозная секта, поклонявшаяся «Огню божественному, новоявленному, очищающему». Поговаривали о человеческих жертвоприношениях. Это косвенно подтверждалось реакцией властей: если вначале к огонькам относились инертно, оставляя на откуп всем желающим их осмотреть, то затем начались гонения. В большинстве стран строжайше не рекомендовалось приближаться к месту появления светляков, а кое-где за это ввели административную ответственность. Запреты мотивировали чрезмерным уровнем радиации и опасностью сгореть без следа, как это якобы случалось с некоторыми зеваками. Аргументы эти были противоречивы и неправдоподобны, мало кто принимал их на веру. По этому поводу какие-то окончательно оторвавшиеся от реальности правозащитники даже протест объявляли неоднократно, требуя, чтобы ООН ввела в перечень прав человека право беспрепятственно любоваться ФПС – феноменом поверхностного свечения.

Даже там, где за любопытство не штрафовали и не сажали в тюрьмы, наслаждаться зрелищем было непросто. Светляки оперативно окружались полицией и солдатами – через оцепление пропускали только ученых, имеющих разрешение. Простые смертные довольствовались роликами и фотографиями сомнительного качества.

Макс не был фанатиком, и запретительные меры его не возмущали. Тем более что слухов о том, будто светляки небезобидны, ходило предостаточно, а их противоречивость не удивляла: любое явление рано или поздно обрастает домыслами. Быстрая реакция властей, ограничивающих доступ к загадочным объектам, была логичной и возмущения у него не вызывала – им, наверное, виднее.

Но сейчас другое дело. Светляк возник только что, и никаких кордонов пока что нет. Возможно, их даже не успеют поставить – феномен, бывало, исчезал через несколько минут, лишь в единичных случаях держался до полутора десятков часов. Никто не запретит любопытным взглянуть на него поближе, сфотографировать, снять ролики. Разве можно удержаться от искушения прикоснуться к неведомому? И не будь этого долгожданного «да» от Леры, Макс бегом бы мчался к старой котельной. Ну разве можно в таком возрасте удержать любопытство в узде?!

Как же все не вовремя...

* * *

Все оказалось до банальности предсказуемо – не зря Макс столько времени убил, рассматривая фотографии и ролики. Ослепительный сгусток белого пламени размером с лесной орех примостился на кирпичном обломке – их в этом захламленном уголке много валялось. Несмотря на яркость сияния, смотреть на него было небогато – лишь глаза инстинктивно прищуривались. Интенсивность менялась: «орех» то тускнел, съеживался, будто усыхая, то вспыхивал с новой силой, разбрасывая россыпи блесков по стене котельной и соседних домов – будто солнечные зайчики от сотен крошечных зеркалец.

Жорик, сосредоточенно сопя, снимал светляк с разных ракурсов – увлекшись этим занятием, он даже тараторить перестал. Пользуясь моментом, Макс взял в руку узкую Лерину ладошку, дурацки улыбнулся, когда девушка ее легонько сжала. Ни он, ни она не стали доставать телефоны: почему-то перехотелось возиться с фотографированием, да и у соседа это получается гораздо лучше.

Хотелось просто стоять неподвижно, смотреть на чудо космическое и держаться за руки.

Но Жора физиологически не способен молчать больше тридцати секунд:

– А чего Лехи нет?! Он же сюда сразу пошел! А?! И вообще никого нет! Стены закрывают со всех сторон, но кто-то же должен это видеть?! Леха!!! Ты где?!

На крик никто не ответил, лишь светляк запыхал сильнее и начал отбрасывать красноватые блики.

Сжав ладошку Леры чуть сильнее, Макс покосился на девушку, столкнувшись с ней взглядом: она, оказывается, тоже не на светляк любит. Оба улыбнулись одновременно и так же синхронно поморщились от нового крика Жоры:

– Чего это он?! Я такого в роликах не видел!

Чуть ли не с мясом оторвав взгляд от Леры, Макс раздраженно уставился на светляк. С ним и впрямь творилось что-то неладное: он почему-то начал светиться красным и пульсировал с нарастающей частотой.

– Это что-то невероятное... ролик с руками оторвут теперь... рейтинги будут зашибись, – невнятно пробубнил Жора, присев перед светляком и не прекращая его снимать.

Раздражающие вспышки красного тревожили, заставляли вспоминать жуткие слухи о кровожадности маленьких огоньков и маловероятной мистике, с ними связанной. Таинственным историям несть числа, и кто знает – может, не все из них плод фантазии.

Частота вспышек достигла того значения, когда глаза их перестали воспринимать, – светляк загорелся раскаленным рубином, окрасив обшарпанную стену котельной в цвет крови.

– Жора, давай отойдем. С этим светляком что-то неладно, – осторожно предложил Макс.

– Ага. Сам вижу, – не прекращая снимать, согласился Жорик. – Он, наверное, сейчас погаснет – надо это обязательно записать. Это будет настоящая бомба!

Сияние действительно начало затухать – вместо раскаленного рубина остался крошечный, еле тлеющий уголек. Но Макса это не успокоило – потянув Леру за руку, он завел ее за спину, инстинктивно прикрывая от неведомой опасности. Попятился, продолжая отталкивать девушку от светляка. Назад, к школе, в сторону кучки зевак, тоже спешащих полюбоваться зрелищем феномена.

Жора, склонившись чуть ли не до земли, лихорадочно снимал последние мгновения существования светляка. Вспышка ярко-алого пламени, беззвучная и ослепительная, сожгла его тело в одно мгновение. Макс, отшатываясь назад, попытался оттолкнуть Леру подальше от огня, но не успел.

Глава 2

Боль жуткая, нестерпимая, способная убить в одну секунду. Но ей не дали на это времени – лишь неуловимо крошечное мгновение она терзала тело, исчезнув так же внезапно, как появилась, сменившись ощущением свободного падения.

Только что глаза разрывало красным огнем – и вдруг вспышка яркого солнечного света, головокружение, отсутствие опоры под ногами, а потом Макс почти плашмя с оглушительным всплеском рухнул в воду.

Дальше сработали рефлексy опытного пловца – разум был парализован от неожиданности и несуразности происходящего, а тело уже действовало. Наверх, к свету и воздуху. Макс упал с приличной высоты, и даже теплая одежда не защитила от последствий сильного удара о воду – слегка оглушило. Погрузиться тоже солидно успел, к тому же хлебнул горько-соленой тепловатой гадости, разбавленной кровью из прокушенной губы.

Вынырнув, Макс сделал глубокий вдох. Порция кислорода оживила разум, и первая мысль была, как это ни странно, о Лере. Только что он на миг выпустил ее руку – и все, она пропала. Беспомощно озираясь, он пытался разглядеть ее, но тщетно: лишь сверкающая гладь моря и пенные барашки на ленивых волнах.

– Лера!!! Ты где!!! Лера!!!

Ответом ему был лишь плеск волн.

В отчаянии, с трудом преодолев сопротивление отяжелевшей одежды, вскинулся дельфином, но ничто не помогало – Леры нигде не было. Это просто ужасно: разум рисовал картины одна страшнее другой. Вот она идет ко дну, отчаянно тянется руками к тускнеющему солнечному свету, захлебывается. Или тонет неподвижно, потеряв сознание после жестокого удара о водную поверхность.

Из-за всех этих мыслей Макс не сразу понял, что и сам вот-вот пойдет ко дну. Хороший пловец просто помыслить о такой чуши не мог, а зря: теплая одежда, набрав воды, превратилась в свинцовые доспехи – мало того что сковывала движения, так еще и вниз тянула. Приходилось прилагать титанические усилия, чтобы просто удерживаться на поверхности.

Игнорируя опасность, Макс продолжал озиаться по сторонам и, краем глаза увидев среди волн нечто новое, сначала чуть не закричал от радости, но тотчас понял, что это точно не Лера. Темный конусообразный предмет, похожий на высокий буюк. Что это, зачем это – он понятия не имел, но поплыл туда без раздумий. Что бы это ни было, за него можно подержаться, неспешно освобождаясь от сковывающей одежды: бороться на волнах со всеми этими мокрыми застежками и молниями – дело непростое.

Двигался Макс немногим успешнее топора, со страхом понимая, что еще чуть-чуть – и полностью с ним сравняется в плавучести. Если немедленно не отдохнуть или не избавиться от одежды, то придется узнавать, далеко ли здесь до дна. К счастью, буюк совсем близко – странно, что он сразу его не заметил. Остается надеяться, что там будет за что ухватиться.

И вправду буй или что-то на него похожее. Цилиндр метра два диаметром сантиметров на тридцать выглядывает из воды. По центру колпаком волшебника возвышается узкий и высокий конус – у основания его руками обхватить можно, а макушка вровень с Максом.

Преодолев последние метры, в отчаянии вскинул руки. Есть – удалось ухватиться за край! Там тянулось что-то вроде узкого и невысокого бортика – будто специально для пальцев сделано. В изнеможении расслабившись, Макс пару минут провисел на месте, покачиваясь на волнах. Но бесконечно блаженствовать нельзя – неизвестно, что здесь происходит, но надо позаботиться о себе.

Расстегнуть куртку оказалось нетрудно, а вот стащить ее – задачка та еще: мокрая подкладка будто приклеилась к свитеру, категорически отказываясь с ним расставаться. Рукава в итоге пришлось вывернуть наизнанку – так оказалось проще.

Дальше трудностей не было – свитер почти не капризничал, брюки тоже. Зашвырнув скомканную одежду на буй, Макс опять замер, раздумывая над дальнейшими действиями. Собственно, раздумывать особо не о чем: у него одна дорога – надо вскарабкаться на этот цилиндр и там наконец нормально осмотреться. Будь он в хорошей форме – пустяк. Но сейчас, вымощанный борьбой с одеждой и волнами до состояния выжатым тряпки... Нет, забраться, конечно, заберется, но не без труда. Лучше немного повисеть, перевести дух и потом уже спокойно все сделать.

Болтаясь в воде, Макс начал более-менее здраво анализировать обстановку, пытаюсь понять, куда же его занесло после вспышки светляка.

Первое предположение было самым желанным: вдруг он попросту спит? Ущипнув себя за руку, поморщился: больно. Значит, увы, все наяву.

Где он вообще? Уж явно не в Балтике, и вообще, в Питере таких жарких декабрей не бывает. Хотя в другом полушарии в эту пору как раз лето – может, он там? Или в тропиках? Запросто: вода теплая, почти как в ванной. Судя по горько-соленому вкусу, это море, но в таком «парном» море ему купаться не доводилось – даже в Турции, куда они всей семьей ездили отдыхать в прошлом году, было прохладнее. Хотя все равно здорово.

Плохо, что берега не видно, – не хотелось бы оказаться в открытом океане. Хотя, наблюдая за какой-то водорослью, проплывшей мимо, Макс понял, что буй болтается на одном месте. Значит, закорен. Раз так, то глубина здесь не может быть слишком большой, иначе цепь или трос его утопят или просто порвутся под собственным весом. Да и какой смысл ставить такой знак посреди какой-нибудь глубоководной впадины? Ими вроде бы обозначают фарватер, мели, рифы – разные важные для судоходства вещи.

Здесь вроде нечего обозначать...

Ладно, остается надеяться, что его занесло в тропики. Все же ближе к дому, чем в другом полушарии очутиться. И зря он так за Леру перепугался. С чего это ей тоже здесь оказываться? Жоры ведь не видно. Вообще никого нет. Одному Макс, наверное, повезло как утопленнику.

Мало того что этот проклятый светляк не вовремя возник, так еще и пакость устроил! Такой вечер обгадить! А что там Лера думает после того, как он исчез?! Вот почему это именно с ним, именно сейчас случилось!!!

Неподалеку послышался громкий всплеск. Волны, смыкаясь, иногда производили похожие звуки, но масштаб их был несопоставимо скромнее. Будто что-то в воду упало, или очень крупная рыба резвится.

А ведь в тропиках рыбы бывают разные. В том числе и очень неприятные. Хищные...

В памяти услужливо всплыли увиденные в сети фото с бедами-туристами: откушенные руки и ноги, рваные раны. От таких мыслей Макс позабыл про усталость – будто реактивный, вынесенный из воды, уверенно оперся на обе руки, подтянулся чуть выше, закинул правую ногу на поверхность цилиндра. И почти сразу же вытащил левую – ему очень не хотелось ее лишиться.

Поверхность цилиндра была теплой и шероховатой от наслоившихся засохших водорослей, птичьего помета, натеков соли и мельчайшего песка. Это Макса обрадовало – верный признак того, что это внутреннее море или залив. В океане, с его свирепыми штормами, этот хлам не смог бы накопиться – быстро смывает. Хотя кто его знает, как там бывает... Разбирается он в этом слабо, да и опыта маловато – возможно, даже в таком, казалось бы, неоспоримом факте ошибается.

Конус был столь же грязен – невозможно определить, из чего он сделан. Сняв рубашку, Макс повесил ее на вершину: пусть подсохнет хоть немного. Стоя на медленно раскачиваю-

щемся цилиндре, прикрываясь рукой от солнца, начал осматривать горизонт. И почти сразу же увидел кое-что интересное: неподалеку, приблизительно в километре или немного меньше, волны вспениваются вокруг россыпей черных точек. Похоже на скалы. Рифы. Но берега рядом не наблюдаются. Это плохо.

С других сторон море тоже оказалось не пустынным: те же россыпи темных точек на разном удалении. Ближайшие вообще рядом – метров сто пятьдесят максимум. Их Макс разглядел хорошо: действительно какие-то неровные камни. Местами одиночные, но в основном группируются кучками, сливаясь в подобие островков, разделенных извилистыми узкими протоками или приличными водными пространствами. И поверхность моря рядом с ними необычная – светлая, с какими-то цветными пятнами разных оттенков. Похоже, мелко там.

Теперь понятна причина отсутствия больших волн – среди этих рифов им негде разгуляться. Куда ни плюнь, везде они – при всем желании трудно, наверное, найти здесь хотя бы квадратный километр, свободный от скал и мелей. Максу крупно повезло, что его выбросило над водой, – иначе бы разбился.

Рифов – как мака в пирожке, но ни одного порядочного острова Макс, как ни старался, не рассмотрел. Ни малейшего признака нормальной суши. Куда податься – непонятно. Надежда на то, что буй обозначает фарватер, тоже не оправдалась: среди этих скал на лодке с трудом пройти можно, а про большой корабль даже думать не стоит. Может, это радиомаяк плавучий, отмечающий опасный для судоходства район? Если так, то его должны навещать работники для обслуживания. Но непохоже, что они здесь часто бывают: по виду он уже не первый год болтается. Брошенный? Вполне вероятно...

Может, здесь что-нибудь полезное найдется? Внутри? Кнопка подачи сигнала бедствия или что-нибудь в этом роде? Должен же быть люк или другой способ забраться туда.

Придерживаясь за вершину конуса, Макс осторожно, стараясь не раскачивать буй, начал обходить его по кругу. В конце короткого путешествия разочарованно вздохнул: никаких люков или отверстий, все тот же мусор на ровной поверхности. Под ногой что-то блеснуло. Присев, освободил из хлама темные очки с огромными стеклами. Очистил присохшие водоросли, повертел в руках, положил обратно – такие только девчонки носят.

Тут же заметил кое-что еще – бурое пятно возле вершины конуса. Очень похоже на подсохшую кровь. А рядом – углубление в наросте: будто кто-то содрал весь хлам, пытаясь добраться до поверхности цилиндра. А вот и сама поверхность: темный металл, прохладный на ощупь, несмотря на жаркий день. Ржавчины не видно, лишь вездесущие белесые пятна соли.

Буй из нержавеющей стали? А почему бы и нет – Макс понятия не имеет, из чего их делают. Одно странно: все те, что ему доводилось видеть раньше, были ярко выкрашены, для заметности. А этот – нет.

Скорчившись за конусом, укрылся от обжигающих солнечных лучей и призадумался.

Что дальше? Сидеть здесь бесполезно – непохоже, что сюда часто люди заглядывают. Очки пластиковые, их могло волнами принести, или позабыли туристы, появляющиеся здесь раз в год. Пятно бурое наводит на нехорошие мысли, но не факт, что это кровь, – может, остатки какой-нибудь экзотической медузы или чего-то еще в этом роде. Хотя как ее могло занести на вершину конуса?! Про летающих медуз слышать не доводилось...

Ладно, будем считать, что помощь сюда не придет, а если и придет, то слишком поздно. Воды нет, еды нет – долго Макс здесь не протянет. Пить, кстати, уже сейчас хочется – на таком солнцепеке это неудивительно.

Подняв голову, сперва нахмурился, а потом и вовсе ошеломился. Нет, ему не показалось. Наверху проглядывает призрачный неполный диск – будто Луна в ясный день. Только размеры у этого диска раза в два побольше. Или у него обман зрения, или какая-то чертовщина происходит.

Вспомнив самые неправдоподобные рассказы о светляках, Макс почувствовал себя еще более неудобно (хотя куда уж больше!).

Хватит! Иначе так и просидит здесь, пока в мумию не превратится! При такой жаре это дело недолгое – даже тень от конуса не защитит. Надо убираться отсюда. Раз есть рифы, должна быть и настоящая суша. А здесь ловить нечего – ни один нормальный капитан и близко не подведет корабль к такому опасному месту.

Встав, Макс стащил с конуса рубашку: плотная ткань уже почти высохла на солнце и ветерке – лишь воротник чуть сыроват. С остальным тряпьем дело обстоит хуже: мокрое совсем. Надо и его подсушить. Куртку и свитер ладно еще – можно здесь оставить, а вот без штанов и рубашки он быстро сгорит до костей. Летний дачно-речной загар уже почти сошел, так что кожа его долго в таком пекле не выдержит.

В этот момент опять послышался все тот же настораживающий всплеск. Макс успел заметить, как среди волн на миг показалось что-то темное, похожее на рыбью спину, и опять воцарились тишина и спокойствие.

Акула? Возможно. С виду рыбешка очень даже немаленькая. А может, просто дельфин резвится или какой-нибудь тунец? Вот и гадай теперь...

Макс с тоской уставился в сторону ближайших рифов. Метров сто пятьдесят... ну, двести максимум. Сколько у него уйдет на эту дистанцию? С учетом того, что придется тащить кое-какие вещи, – около двух минут. Если течение встречное, то гораздо больше.

А сколько понадобится акуле? Меньше... гораздо меньше...

Налегке пойти? С рекордной скоростью? Нет, без одежды ему там делать нечего.

Так, не надо паниковать. Если здесь действительно крутится акула, вечно это продолжаться не будет. Ее, возможно, привлек шум от падения Макса. И кровь могла почуять – из прокушенной губы капля-другая в воду обязательно попала, а нюх у рыб отменный. Но, не найдя ничего интересного, она рано или поздно уберется. И вообще – надо еще убедиться, что это действительно хищник. Скорее всего, ложная тревога.

Напялив рубашку и тяжелые сырые штаны, Макс начал наблюдать за окрестностями. Каждый подозрительный бурун над волнами заставлял его вздрагивать, напрягать глаза, но все тщетно – признаков присутствия акулы он не заметил.

Солнце тем временем поднялось выше – видимо, день здесь только начинается и главное пекло еще впереди. Сидеть здесь уже неудобно, а ведь дальше только хуже будет – жажда замучает.

Еще раз оценил дистанцию до рифов... Увы, она не уменьшилась. Надо на что-то решаться, а не запугивать себя выдуманными страшилками. Акула не показывалась – или ее вообще не было, или уплыла по своим делам.

А перед глазами все еще стоят те кадры... с откушенными конечностями...

Да его здесь страх прикончит, а не акулы! Хватит!

Макс, злясь на самого себя, опять стащил брюки и рубашку, соорудил из них подобие чалмы, нахлобучил на голову. Покосился на куртку. Теплая, зимняя. Намокнув, стала совсем неподъемной. Нет, ее он точно не потащит, как и свитер. Порылся в карманах. Какой-то размякший бумажный хлам; мертвый мобильник – вода проникла внутрь; несколько монет; начатая пачка жевательной резинки; связка ключей. Все, кроме мусора, перекичало в штаны – может пригодиться.

Ботинки... Хорошие ботинки – легкие, теплые, не стесняющие движений. Босиком он ходить не мастак – надо тоже прихватить. Эх... Пришлось мудрить, привязывая их к «чалме», – благо шнурки длинные.

Теперь присесть на дорожку, пошарить взглядом по волнам в поиске акул – и, никуда не денешься, хочешь – не хочешь, а уплывать придется.

* * *

Плыть оказалось труднее, чем думал Макс. Накаркал – похоже, течение мешало, да и «чалма» на голове не прибавляла удобств. Еще волны норовили щедро напоить – для него, привыкшего к спокойной воде, это было неприятно. А если учесть, что за каждым всплеском мерещилась подкрадывающаяся зубастая тень, то и вовсе грустно становилось. Хотя последнее хорошо стимулировало – его тренер был бы счастлив, увидев такой впечатляющий результат.

До ближайшего рифа оставалось метров десять, когда нога коснулась дна. Поднялся, тут же скривился – в ступню впилося что-то острое. Кожу не проткнуло, но неприятно. Хорошо, что ботинки прихватил – здесь они, похоже, пригодятся. Коралловая поросль будто щетка – ступить некуда.

Посмотрел на часы: непромокаемые, противоударные – подарок отца. Три с половиной минуты плыл. Далеко не рекорд, но в таких условиях вполне достойно.

Шагать пришлось медленно, осторожно выбирая более-менее ровные участки без острых коралловых веточек. Но пока добрался до скалы, уколол ногу еще дважды, причем на второй раз ступню поранил до крови. Нет, он все же гений, раз догадался прихватить обувь. Без ботинок здесь делать нечего.

Скала не обрадовала – бесполезная глыба. Пористый непрочный камень с темно-коричневой коркой, серовато-желтый там, где она откололась. Формой и размерами этот риф напоминал диван с низкой спинкой, за ним, отделенные узкой полосой мелководья, тянулись такие же бесплодные островки.

Дно пестрое от разноцветных зарослей кораллов. Водорослей почти нет, крупной живности тоже не видно – лишь мелкие рыбки шныряют стайками. Много крупных раковин и их обломков, под один из них заполз маленький краб, вспугнув такую же мелкую креветку.

Присев на теплый шершавый камень, Макс снял с головы опостылевшую «чалму», натянул тяжелые брюки и рубашку, затем ботинки – босиком ходить по здешнему дну только йоги смогут. Никакого намека на пляж с мягким песочком нигде в округе не видать – везде тот же камень, местами сплошь покрытый зарослями кораллов. Но в этом Макс не совсем уверен – кораллы он лишь по телевизору видел, ну еще у мамы в бусах. Не специалист по ним.

А это что? Чуть дальше, на одном из совсем уж плоских рифов, едва возвышающемся над водой, вспух смолисто-черный горб – будто бородавка диаметром метра полтора и высотой в метр. Таких кораллов Макс точно никогда не видел.

Заинтригованный, подошел поближе, потрогал плотную поверхность. Под пальцем подавалась, будто размякший на солнце асфальт. Присев, осмотрел низ. В камень «бородавка» вросла прочно – как суперклеем прихваченная.

Что это такое? Если действительно коралл, то Макс в них, получается, вообще ничего не понимает.

Оставив загадочную «бородавку» в покое, покосился назад. Разглядел буй, все так же колышущийся на волнах. На миг показалось, что рядом с ним что-то плещется, но это оказались барашки на гребнях волн. Интересно, сможет он вернуться потом к этому месту? Надо бы запомнить дорогу. Зачем это надо, Макс не знал – просто не хотел терять из виду единственный явно рукотворный объект в этом безлюдном месте.

Остаться здесь бессмысленно. Воды нет, еды тоже, разве что от солнца можно укрыться за самыми приличными рифами. Но нельзя ему в тенечке нежиться – пока есть силы, надо искать варианты получше.

Забравшись на самый высокий в округе риф, Макс осмотрелся. Никаких признаков благодатной суши не увидел, зато неподалеку, приблизительно в полукилометре, сустились мор-

ские птицы, собравшиеся в одном месте. Явно не просто так – что-то вкусненькое нашли. Не мешало бы и самому на это посмотреть – еда Максу пригодится.

* * *

Даже в ботинках идти было тяжело. Дно, будто издеваясь, то подступало к самой поверхности, то разверзалось ямами глубиной по пояс и больше. Еще и непрочные ветви кораллов экстрима добавляли – наступать на них чревато падениями. Вода была кристально-чистая, и даже волнение не мешало разглядеть опасные участки, так что в западню Макс ни разу не угодил. Но нервничал – все внимание приходилось уделять тому, что под ногами творится, а хотелось смотреть по сторонам.

Хотя имелись и плюсы – поглядывая вниз, Макс не раз замечал местных обитателей: какие-то мелкие рыбки шныряли в одиночку и маленькими стайками; упитанные креветки, неспешно перебирая лапками, уходили с его пути; израненную медузу прибило к подножию рифа; от обглоданной здоровенной рыбой головы в щели между камнями расползлись крупные крабы. При желании здесь можно найти себе пропитание, хотя это не имеет смысла без воды. Морская его не спасет – Макс откуда-то точно помнил, что пить ее можно лишь малыми дозами и недолго. В противном случае начнутся огромные проблемы. Да и жажду она не утоляет – заплыв от буя к рифу ее немного уменьшил, но теперь она возвращалась с новой силой. Может, еще раз искупаться? Нет, смачивание кожи помогает мало, а времени на это уходит много. Достаточно поддерживать одежду в сыром состоянии.

Не выдержав, остановился, достал пачку жевательной резинки, бросил в рот белую подушечку. Хоть чем-то рот занять, да и для зубов полезно.

По берегу полкилометра минут за пять мог бы пройти, а здесь полчаса пришлось переться. Не спешил, осматривал по пути каждый риф, обходил стороной глубокие расселины и впадины – нет смысла раздеваться, чтобы, проплыв несколько десятков метров, опять одеваться.

Под конец путь улучшился – рифы здесь слились в единый неровный массив. Можно было идти по суше, а не по мелководу. Правда, ослаблять внимание нельзя: не по тротуару топашь.

Птицы улетели неохотно и недалеко – расселись по окрестным возвышенностям дожидаться ухода Макса. Увидев то, что вызывало их гастрономический интерес, он пожалел о своей любознательности.

Труп. Настоящий труп. Страшный и вонючий. Синюшная вздувшаяся кожа, бескровные уродливые раны, оставленные птичьими клювами, мерзкий запах. Лежит на суше в крошечной ложбинке меж двух уступов. Подходить Макс не стал – и так все понятно. С удивлением оценил одежду покойника: брюки явно не летние и дубленка с поднятым воротником. Наряд не для тропиков.

Сражаясь с подступающей тошнотой, отошел от страшной находки, покосился в сторону буя. Там, обвязанные рукавами вокруг конуса, остались его куртка и свитер. Такая же теплая одежда, как у мертвеца. Совершенно очевидно, что бедолага попал сюда точно так же, как Макс. Вот только ему очень не повезло. Даже работа птичьих клювов не скрыла главного: голову изначально повредили не они. Скорее всего, он тоже оказался здесь на приличной высоте, вот только под ним простерлась суша, а не вода. Разбился насмерть или сильно покалечился, а помощь оказать было некому.

Макса передернуло – ведь и с ним могло произойти такое же.

Это что же получается? Он не единственная жертва светляка? Был как минимум еще один. Так вот почему власти никого к ним не подпускают! Макс бы тоже не подпускал, знай, что там пропадают люди.

Стоп! Он ведь еще не пропал. Он жив, просто не знает, где находится.

И еще эта непонятная штука, так похожая на Луну, только слишком огромную. В голове такой кавардак, что можно все списать на обман зрения, шокированного световыми эффектами светляка и резкой сменой освещения – от декабрьского вечера до тропического дня. Да и про последствия телепортации он ничего не знает – вдруг на голову повлияло?

Ни самолетов в небе, ни прогулочных катеров с туристами, ни больших кораблей на горизонте, ни маяков – ничего не видно. Где вообще на Земле остались такие уголки? Доводилось Максу видеть фильм про Большой Барьерный риф, который возле Австралии. Похожая местность, хотя лишь на первый взгляд: таких рифов, как здесь, он не припомнил, там немного по-другому все выглядело – без этих россыпей ноздреватых скал, поросших «бородавками». Но ведь вряд ли там все показывали.

Туристы в той передаче были. Хотя, если он не ошибается, там говорилось, что этот грандиозный риф тянется на тысячи километров – наверняка можно найти нетронутые уголки.

Повезло же ему в один из таких угодить...

Проклятый Жора: вот почему ему вечно не сидится на месте?!

Обойдя мертвеца стороной, Макс вскоре вышел к краю рифа: сушу здесь будто ножом срезали – за ровной линией обрыва тянулась синяя бездна. Если приглядеться, можно различить смутные серые тени – дно просматривается. До него, наверное, не меньше тридцати или даже сорока метров, но вода такая чистая, что, несмотря на легкое волнение, кое-что увидеть можно. Чуть дальше от берега глубина резко увеличивалась – там уже ничего не просматривалось: однородно-синяя бездна, пронизанная солнечными лучами.

Нетронутый край – ни мусора, ни радужных пятен от горячего, ни туповатых гонщиков на скутерах, ни полуголых и полупьяных купальщиков. Но Макс сейчас душу готов отдать, лишь бы все это здесь появилось, – ему все больше и больше не нравилось происходящее.

За глубокой расселиной дальше опять начинались рифы – шириной она была не больше полутора сотен метров. Тянулась ровной линией, будто стрела, указывающая на буй. Посмотрев в противоположную от него сторону, Макс сумел разглядеть вдалеке россыпь крупных скал. Возможно, это оконечность острова, или с них он сможет увидеть гораздо дальше. Глядишь, и сушу найдет. А эта подводная пропасть будет ориентиром, если он захочет вернуться назад: идти ведь можно вдоль нее.

Хотя зачем ему это надо? Куртку потом забрать? Он и без нее вряд ли здесь замерзнет.

Не выдержав, разделся, нырнул с рифа, стараясь достать поглубже – там вода похолоднее. Единственный в его положении способ бороться с жаждой – меньше будет потеть после купания и, следовательно, сохранит влагу.

Выбравшись на сушу, поспешно оделся: солнце с каждой минутой становилось злее. Краем глаза заметил что-то необычное, выделяющееся на фоне серых камней. Повернул голову и похолодел – из неглубокой расселины на него таращился человеческий череп. Чуть дальше валялась длинная кость.

Правильно он решил – надо уходить. Спасателей здесь не дождешься.

Глава 3

Макс не умел на глаз определять большие расстояния. В пределах сотни-другой метров еще ладно, а вот дальше начинались сложности. Вот и сейчас понятия не имел, сколько пришлось пройти, прежде чем добрался до скал. По ощущениям, не меньше двадцати километров, но здесь, в хаосе рифов и отмелей с неровным дном, ориентироваться по степени усталости неразумно.

Но вряд ли меньше пяти. Может, семь километров, а может, и все десять. По кошмарной дороге, на солнцепеке – испытание серьезное. Одежда, увы, не защищала полностью – уже начало печь кожу на запястьях и ушах, да и глаза ноют, измученные яркими бликами от воды. Он уже сто раз пожалел, что не захватил тех очков, – хоть к бую возвращайся.

По пути наткнулся на неприглядный привет от цивилизации: в протоке между двумя рифовыми грядами выловил пластиковую бутылку. К сожалению, пустую. Но все равно обрадовался – дико было столько пройти, не встречая никаких признаков рукотворного мусора. В сочетании со странно подросшей Луной наводило на пугающие размышления.

На радостях долго тащился с этой бутылкой, придумывая ей применение. Так ничего и не придумав, оставил на одном из голых островков. Не просто так бросил – насадил горлышком на воткнутую в трещину толстую ветку. Палка трухлявая, белая от соли, но еще держится. Такой ориентир можно разглядеть издали – отличная метка на случай, если придется возвращаться к бую.

Почему он так старается запомнить дорогу назад, Макс сам не понимал. Наверное, инстинктивно цеплялся за место, где оказался по воле светляка.

Если не считать бутылки и палки, других полезных находок не встретилось. Скучная и тяжелая дорога: то прыгать по камням; то брести по мелководью, стараясь не свалиться и не угодить ступней в капкан узкой расщелины или скопление ветвистых коралловых побегов; то, раздевшись, с «чалмой» на голове переплывать очередную водную преграду.

Кстати, вплавь получалось быстрее и не так напряженно, как по суше. Макс даже пришлось перебороть соблазн – хотелось спокойно грести вперед, не связываясь с превратностями неудобного берега. Но это было глупо: плавание отнимает слишком много энергии. Да и акулы продолжали пугать – если он и впрямь возле Австралии очутился, то здесь им самое раздолье. И то, что ни одной морской хищницы Макс пока не заметил, ничего не доказывает – волков в лесу он тоже никогда не видел, но это ведь не означает, что их там нет.

* * *

Первой странностью этого места была необычно огромная луна в небе – ее Макс мог объяснить лишь проблемами со зрением или непонятными атмосферными явлениями.

Вторая странность – практически полное отсутствие мусора: единичная пластиковая бутылка – это ничто, а солнечные очки на бую и труп рядом с ним списывать на стандартный хлам было бы неправильно.

Третьей странностью оказались долгожданные скалы.

К скалам эти объекты не имели ни малейшего отношения. Посреди приличного по местным меркам водного пространства, свободного от рифов и мелководья, вздымалась вереница труб. Диаметр у всех одинаковый – приблизительно метра четыре, и расстояние между ними одно и то же – около полутора метров. А вот высота разная: первая, самая рослая, вымахала почти с девятиэтажный дом. Следующая чуть-чуть ниже, дальше тоже ниже, и так по нисходящей до последней – эта возвышалась метров на восемь – десять.

Поверхность труб выглядела так же запущенно, как и на том буге: не похоже на новенькое сооружение – даже с берега понятно, что там такое же запустение. На вершинах обосновались чайки, причем давненько – загадили колоннаду основательно.

Что это такое? Уж точно не трубы затонувшего парохода. И вообще ни на что не похоже. Может, это приливная электростанция? Или экспериментальная исследовательская установка, брошенная учеными? А может, военный объект? Например, станция для слежения за подводными лодками.

Бред все это – что бы ни строили ученые или военные, они обязаны подчиняться общим законам возведения подобных сооружений и попросту логике. А здесь нет лестниц металлических; нет ограждений; нет строительного хлама, которым должны быть завалены окрестные островки; нет причалов или их остатков. Вообще нет никаких признаков пребывания человека, кроме самих труб. А ведь сил на возведение подобной конструкции должно быть затрачено немало – сотни рабочих необходимо привлечь. Их надо было где-то размещать, чем-то кормить, на чем-то возить от берега к стройке. Наследить должны были капитально.

Но ничего нет...

Может, это корабль затонувший? Пусть странный, но все равно корабль. Тоже бред – приличное судно сюда не пройдет. Со всех сторон рифы и мели – через них и на маленькой лодке нелегко пробраться.

Присев в тенистой расщелине, Макс разулся, окунул ноги в воду и, блаженствуя, покоился вверх. Проклятая Луна никуда и не думала пропадать – все так же портила своей тушей небеса (а уж как настроение портила – словами не передать). Зато следов от самолетов по-прежнему незаметно – за все время ни одного не пролетело.

Может, здесь заповедник и летать над ним запрещено? Хотя какой вред животным от самолетов? И если здесь все так строго, то почему эти трубы разрешили поставить? Вот от них наверняка гадостей больше, чем от тысячи «боингов».

Опустив взгляд, с криком завалился на спину, задрал ноги кверху. Затем кое-как извернулся, отполз от воды, уставился на нее со страхом. Прямо на краю рифа дно обрывалось очередной пропастью. Дно не просматривалось: ровная синева – чем глубже, тем она темнее. Сколько там? Может, целый километр, откуда Максу знать.

Тихо и спокойно. Неужто показалось? А что именно? Сам не понял толком – просто успел заметить, как из глубины выносятся сгусток тьмы. Вытягиваясь исполинским веретеном, он целеустремленно направлялся к ногам, беспечно болтавшимся в воде.

Показалось? Наверное... Нервы ни к черту со всеми этими непонятностями... От жажды голова кружится и руки трясутся. Неужели организм уже так сильно обезвожен? Или от самоуверенности все?

И что дальше? Вместо скал нашел какие-то трубы – забраться на них без лестницы невозможно. А ведь он рассчитывал обозреть окрестности с приличной высоты. Деваться некуда – придется довольствоваться тем, что есть.

Забравшись на крупный риф, особняком отстоящий от других, осмотрелся. Других высоких объектов в округе не заметил, но далеко, чуть ли не у самого горизонта, среди бурых скальных россыпей и разноцветных пятен на светлых отмелях темнеет что-то непонятное. И не просто темнеет – там зелень просматривается.

Островок, поросший травой и деревьями? Возможно... Далековато до него – уставшие, ноющие глаза не справляются: не получается разглядеть подробности. Расположен примерно в той же стороне, куда Макс двигался все это время. Если захочет вернуться – эти трубы будут ориентиром.

Глаза будто ножом режет, когда всматривается в даль. Ну почему он не догадался те очки прихватить? Вот и мучайся теперь...

* * *

Опять изнурительная дорога. Макс далеко не слабак, но понемногу начал сдавать – при такой жаре и по тротуару нелегко бродить, а здесь, прыгая по каменным «кочкам» или волочась по неровному мелководью и давя коралловую поросль... Очень непросто здесь передвигаться. Не говоря уже о том, что время от времени приходится пускаться вплавь, наткнувшись на очередную водную преграду. От усталости, жары и жажды начала наваливаться апатия. Потеряв интерес ко всему окружающему, Макс монотонно переставлял ноги, изредка поглядывая вперед, на увеличивающееся в размерах зеленое пятно. Несомненно, это остров, но не радует уже ничто – вымотался сильно.

Еще голова болеть начала, и время от времени перед глазами все начинает расплываться. Перегрелся? Возможно... Укрыться в тени? А толку – ночью по этим колдобинам идти невозможно, так что долгие передышки лишь удлинят путь. Нельзя ему время терять – с жаждой шутки плохи. Это без еды можно протянуть прилично – без воды долго не побегаешь.

Рифы как обрезало – впереди расстиралась водная гладь. За ней, приблизительно в полукилометре, светлел широкий пляж, окаймляющий густые заросли кустарников. Зелень эта выглядела плоской шапкой на песчаной лысине. Деревьев не видать, размеры островка были скромными – не больше футбольного поля.

Осмотревшись, Макс понял: дальше придется плыть. Хотя бездны здесь не было, но глубины порядочные – от метра до двух, идти по такому дну неразумно.

Опять «чалма», опять шнурки-ботинки. Один плюс – это не «синяя бездна»: акулу здесь можно издали заметить. Да и что ей делать в такой луже?

Добрался без приключений. Пляж. Настоящий пляж. Какая благодать почувствовать под ступнями мягкий песочек, а не жесткую колючую коралловую щетку. Ступать, правда, все равно приходится осторожно – хватает острых обломков раковин.

Выбравшись на берег, доплелся до границы зарослей, присел в тени, расслабился. Плыть пришлось не так уж много, а вымотался сильно. Усталость сказывается.

Надежды на то, что здесь окажется вода, были мизерными. Островок ровный, как стол, сложен из песка и обломков раковин – сомнительно, что на такой малой площади сможет существовать родник или чистое озеро. Но с жаждой не поспоришь – у нее своя логика.

Переведя дух, Макс долго бродил по зарослям во всех направлениях, но тщетно. Везде одно и то же: корявые кустарники с кроной, похожей на чуть сдутый мяч; полоса широкого пляжа; редкие каменные полянки, похожие на хорошо знакомые рифовые постройки, засыпанные песком со всех сторон. Травы мало, встречается редко, и разнообразие ее тоже не впечатляет – три – четыре вида, ни один из которых Макс не знаком. Неудивительно – он и в родной ботанике не очень-то разбирается, а уж в тропической и подавно. Еще пенек нашел, почти засыпанный – когда-то здесь было дерево, но кто-то его срубил. Очередной признак пребывания человека, столь же бесполезный, как и предыдущие...

Никаких признаков воды... чего и стоило ожидать... Такое впечатление, что это просто скопище рифов, засыпанное песком. Нечего здесь делать...

Но Макс не стал опускать рук – выломав палку, начал копать яму на границе зарослей. Работа поначалу шла быстро – песочек охотно рыхлился, времени на его уборку уходило немного. Но чем дальше Макс углублялся, тем труднее становилось. Рассыпчатый песок сменился коралловой крошкой, чем ниже, тем она становилась плотнее – будто ее утрамбовали вперемешку с цементом. Порезал палец об острый осколок ракушки; гибкая палка быстро разлохматилась на конце, и пришлось выламывать другую. На этот раз Макс был умнее – выбрал сухую. Она тверже – дольше продержится.

Вырыв целый окоп, он уже начал думать, что переоценил свои силы, но нет – крошка на дне стала мокрой, водянистой. Еще немного, и драгоценная влага начала собираться в углублении.

Облизывая растрескавшиеся губы сухим языком, Макс, едва не постанывая от нетерпения, дождался, когда ее скопится побольше. Зачерпнул ладонью бурю от взвеси воды, жадно вылил в рот... и выплюнул.

Все та же горько-соленая морская гадость. Его расчет, что на удалении от береговой линии она будет опресненной, не оправдался.

Плохо... очень плохо... столько сил зря потратил...

Может, попробовать сделать колодец в центре острова?

А смысл? Не верил Макс, что вода там окажется лучше, а копать придется гораздо больше. Нет, оставаться на этом клочке суши он не будет. Здесь, конечно, приятно нежиться на песочке в тени густых кустов, но это лишь отсрочит агонию.

Солнце уже к горизонту клонится, а он еще не нашел ни людей, ни воды, ни еды. Первое не критично; последнее в краткосрочной перспективе не столь важно, да и нет аппетита; а вот второе...

Сколько он протянет? Не свалится ли завтра окончательно? Те крохи морской воды, что он себе позволяет, вряд ли серьезно помогут. Больше пить боялся, да и не лезло. Сам организм, похоже, отказывается принимать этот яд.

Кстати, если это тропики, то почему нет кокосовых пальм на берегу?! Вроде они везде растут. От молочка орехового Макс бы не отказался. Или их здесь вырубili? Пенек ведь явно не от кустика остался.

Ладно, пустые мысли в сторону. Надо решать, что делать дальше. Переночевать лучше здесь – удобное место, а вот завтра придется куда-нибудь перебираться.

Побродив по берегу, Макс изучил окрестности острова и заметил еще одно пятно зелени. Располагалось оно тоже далеко, и если направиться к нему, придется резко изменить маршрут – от самого буя он двигался практически по прямой, вдоль глубоководной раскельи среди рифов. Теперь надо будет свернуть чуть ли не под прямым углом.

А свернуть придется – больше ничего заслуживающего внимания Макс не заметил. Значит, завтра утром он направится к новому островку. Если глаза не обманывают, тот, похоже, побольше этого. А если предположить, что он к тому же вытянут в длину, а Макс видел его с узкой стороны, то можно рассчитывать на впечатляющую площадь. Возможно, там и вода найдется, и люди, и пальмы кокосовые. Хотя что-нибудь из этого должно найтись, иначе Макс сгинет от жажды посреди океана, и даже если кто-нибудь найдет его скелет, то никогда не узнает, кто он и откуда здесь появился.

* * *

Ночь наступила резко – едва солнце скрылось за горизонтом. Будто выключателем щелкнули: раз – и потемнело. И высыпали звезды.

И Макс, едва не заскулив от увиденного, бессильно сжал кулаки.

Дело даже не в том, что ни одного созвездия знакомого он не увидел, – если занесло в Южное полушарие, то так и должно быть. Увы: помимо звезд имелось и кое-что другое. Нет, та гипертрофированная Луна уже исчезла, скрывшись вслед за солнцем, но нашлись достойные заменители.

Из-за горизонта выглядывал край исполинского грязно-синего диска, покрытого овальными белесыми водоворотами. Трудно по малой части судить о габаритах целого, но Макс был почти уверен, что его видимый размер в два, а то и три раза больше Солнца.

Еще в небе имелась почти нормальная на вид Луна. Причем не единственная – целых две: одна – в фазе полнолуния, другая – лишь тонкий серп, чуть приподнявшийся над горизонтом. Обе вполне сравнимы с родной привычной Луной. И еще россыпь какой-то мелочи наличествовала – штук семь спутников скромных габаритов: будто вереница горошин или обрывок бус.

– Я сошел с ума, – сам себе не веря, произнес Макс.

Звук собственного голоса показался раскатом грома. В голову полезли нехорошие мысли: а что, если его слова были первыми, которые произнесли человеческие уста в этом мире? Нет, не первыми. Тогда, у буя, он звал Леру. Кричал.

Лера...

Нет! Бред! Вранье! Он на Земле! Возле Австралии! В заповеднике! А вся эта фантастика в небесах – из-за теплового удара и жажды! Обычные галлюцинации! Здесь полным-полно людей! Он бутылку находил вдали от буя и еще пень видел на этом островке! Не может же дерево само себя срубить?!

Но если так, то почему он видит галлюцинации лишь в небесах, а не внизу?

Нет, он и внизу видел кое-что очень странное. Те же трубы – явная галлюцинация. Надо было к ним поплыть и потрогать – они бы растаяли в воздухе. И акулы ему постоянно мерещились.

Он выберется из этого заповедника... Обязательно выберется. Он еще увидит свою Леру и успокоит родителей – те, наверное, места себе не находят после его исчезновения.

* * *

Несмотря на усталость, засыпалось плохо – жажда мешала и постоянно приходилось удерживаться от соблазна: тянуло взглянуть на небеса еще раз. Но если взглянет, тогда точно бессонная ночь обеспечена. Надо отдохнуть – завтра новый день. Трудный день. Он выберется... он обязан выбраться...

Несмотря на изгоняемые из головы дурные мысли, Макс все меньше и меньше верил в Австралию и ее великие рифы.

Похоже, он крупно влип...

Стоп! Да хватит уже! Иначе никогда не уснет! Ведь без отдыха он не сможет идти!

Глава 4

Проснулся Макс с рассветом совершенно разбитым. Ночью не удалось поспать серьезно – едва задремав, вскидывался от кошмаров или безо всяких причин. Прятал лицо в песок, стараясь не смотреть на чуждые ему небеса, сворачивался калачиком – под утро стало очень прохладно, и он немного продрог. Даже жалеть начал об оставленной зимней куртке.

Отчаянные надежды на утреннюю росу не оправдались – листва на кустах осталась такой же сухой. Спотыкаясь на ровном месте, спустился к морю и столкнулся с сюрпризом – вода отползла далеко от берега, обнажив дно на обширной площади. Сперва опять начал грешить на галлюцинации, но потом понял: это всего лишь отлив. Последствия притяжения Луны.

А ведь лун здесь многовато...

Стоп! Об этом не думать!

Украдкой покосился в небеса. Солнце, разогнав тьму, прогнало и все космические несуразности – лишь одинокий серп светлел. Размеры его не выходили за рамки приличий, но Макса это не утешило – слишком много нехорошего он повидал этой ночью.

Разогнав чаек, что-то выискивающих на обнажившемся дне, умылся, но облегчения это не принесло – пить хотелось зверски, в суставах поселилась ломота, перед глазами все расплывалось, в ушах молотком стучали удары пульса. Неужели это симптомы обезвоживания? Такое впечатление, будто серьезно заболел... А уж кожу как печет – не передать словами. Малейшее прикосновение к ожогам причиняет такие муки, что едва сознание не теряет. Хочется забраться в прохладную воду по шею и просидеть в ней до вечера. Но нельзя – надо собраться с силами и не расслабляться. Он должен дойти до этого острова – тот просто обязан оказаться с родниками, ручьями и пресными озерами. Он не слабак, он справится!

Но если там будет такая же пустыня, как здесь, то он покойник. Сил не останется ни на что. Сам удивлен, что так быстро вымотался. Ведь Макс очень крепкий парень. Был...

* * *

Туристы – глупые люди: платят бешеные деньги и едут за тридевять земель, чтобы плавать меж коралловых рифов, загорать на горячем песочке, любоваться экзотической живностью. Все это удовольствие Максу досталось совершенно бесплатно, но ни одной позитивной эмоции он за все время так и не ощутил.

Достал его этот тропический рай...

Преодолев очередной рифовый хаос, Макс выбрался к широкому проливу, протянувшемуся поперек его маршрута. Не первый раз такое происходит, и по опыту он уже знает – обходить такое препятствие бесполезно. Будто широченная трещина, пересекающая рифовое поле, – кто знает, как далеко она тянется. Плавать над синей бездной неуютно, но куда прикажете деваться?

Глаза будто ножом резало – в обезвоженном организме слезы больше не вырабатывались. До желанной зелени уже рукой подать – около километра осталось. Можно разглядеть желтую каемку пляжа и – о счастье! – высокие пальмы, кое-где растущие вдоль берега! Если хоть немного повезет, то они окажутся кокосовыми, как это обычно бывает на атоллах, и он даже без воды напьется.

Оценив ширину препятствия, призадумался. Не меньше сотни метров плыть придется, а ему так не нравится заниматься этим над большими глубинами. Хотя... Чуть в стороне виднеется приличный мысок, а от него дальше тянется вереница одиночных рифов. Как показы-

вает опыт, между ними обычно мелко – легко доберется до последнего по дну. А уже дальше поплывет. Ему останется метров пятьдесят – семьдесят – прилично выгадает.

Обход отнимет время, но зато снизит до минимума расстояние, которое придется проплыть. Несмотря на усталость и недомогание, Макс все еще боялся акул и подсознательно ожидал нападения именно на самых глубоких участках. Страшновато вглядываться в эту синюю бездну, ожидая, когда оттуда выскользнет зубастая тень.

Между камнями оказалось не так уж мелко – к предпоследнему Макс брел по грудь в воде, стараясь не угодить в совсем уж приличные ямы. Но дальше оказалось еще хуже – до последнего в веренице рифа осталось шагов пятнадцать, но глубина там была уже с головкой.

Вздыхнув, Макс в очередной, бесчисленный раз стащил одежду, соорудил «чалму», приспособил в ее «гнезде» ботинки. Повис на руках, плавно, почти беззвучно окунулся в воду, поплыл.

Что это?! Он ведь не производит шума, но где-то рядом что-то явственно плещется.

Откуда только силы взялись – одним рывком добрался до рифа и взлетел на вершину. Лихорадочно закрутил головой. Есть! Среди волн мелькнул треугольник черного плавника. Вот это точно акула!

Рыба, будто красуясь, прошла рядом с рифом, развернулась назад, в глубоководный пролив, но затем, почему-то передумав, описала замкнутую кривую вокруг островка, на котором замер перепуганный Макс. Здоровенная – не меньше шести метров! У страха, правда, глаза велики. Но уж пять в ней есть точно!

Только тут до Макса дошло: он в западне. Назад можно добраться только вплавь, и пока здесь крутится эта тварь – ничего не получится. Да и что ему там делать? От жажды помирать? Или искать обход – другое узкое место, где нет акул?

Поблизости таких мест больше не заметно. Сил у него почти не осталось – долгие путешествия строго противопоказаны. Нет, он рискнет. Выждет. Акуле надоест здесь кружить, и она уберется. Вот тогда он переплывет пролив.

Зачем она вообще заявила? Неужели как-то почуяла Макса? Шум услышала? Наверное, так...

Усевшись на теплый шершавый камень, он принялся ждать. С рифом ему не повезло – ни малейшего укрытия от солнца. Можно, конечно, спуститься к воде, но ему эта идея очень не нравилась.

Акула, описав еще один круг, ушла в залив с нарастающей скоростью. Вдали, среди волн, мелькнул напоследок треугольник ее плавника, и опять водную гладь ничто не нарушает.

Макс не стал расслабляться – продолжал выискивать признаки присутствия хищницы. Но тщетно: ни всплесков подозрительных, ни плавников среди волн. Неподалеку даже пара чаек на воду уселась. Уж птицам сверху виднее – наверное, тоже не заметили ничего подозрительного.

Метров семьдесят водной глади. Очень глубоко. Очень страшно. А плыть надо.

Вздыхнув, Макс опять завозился с «чалмой».

* * *

Сил не было, но Макс выложился так, что результатом можно было гордиться. Мчался будто в бассейне, под прицелом тренерского взгляда, косящегося на секундомер. И все равно казалось, что на месте стоит, – уж очень ему не нравилось плавать по морю, где шастают шести-метровые акулы.

На последних метрах дистанции Макс едва разрыв сердца не заработал, когда за спиной послышался все тот же знакомый всплеск. Увеличив темп, хотя это и казалось невозможным, грудью налетел на коралловую поросль и, не обращая внимания на ссадины и кровотокающие

царапины, поднялся, обернулся. В глубине мелькнула длинная темная тень. Показалось или?.. Как бы там ни было, теперь он в безопасности.

Присев на камень, перевел дух. Затем оделся, начал зашнуровывать ботинки. Когда возился со вторым, рядом на скалу упала тень, и звонкий, чуть перепуганный мальчишеский голос спросил:

– Ты говорить умеешь?!

Чуть не вскрикнув от неожиданности, Макс обернулся. Неподалеку, на возвышении, действительно стоял мальчишка лет тринадцати. В обтрепанных шортах, на ногах какие-то несуразные угольно-черные сандалии, явно самодельные. Белобрысый, жестоко загорелый, с небрежно обрезанными волосами.

Опять галлюцинация? В людей поверить еще можно, но в то, что здесь кто-нибудь русский может знать...

– Умею, – все же ответил Макс.

Голос хриплый, надсадный – как у старого курильщика.

Радостно заулыбавшись, пацан так же звонко, но уже без страха закричал:

– Он говорит! Ник, он разговаривает! Я же тебе говорил! А ты: «Дикс он, дикс! Если не веришь, то давай, проверь сам. Или слабо?» Нормальный он! Я проверил!

На камень взобрался еще один мальчишка – этот был постарше, чернявый, но в остальном копия первого: тощий, прожаренный солнцем до состояния «грязный негр», с такой же неухоженной шевелюрой. И было что-то еще, неуловимое, делающее его похожим на первого. Доводилось Максу встречать в книгах выражение «просоленный морем». Вот оба они были именно такими – просоленными. Не вызывало сомнения, что море долго въедалось в их тела и души, пока не пропитало до последней косточки.

Недоверчиво косясь на Макса, старший произнес:

– Был бы диксом, тебя, дуралея, порвал бы как Тузик грелку.

– Да ну! Дикс разве будет ботинки снимать и плавать с одеждой на голове?! Диксы такими продуманными не бывают!

Ник, все еще нехорошо косясь, буркнул:

– Привет. Ты кто?

– Привет. Я – Макс.

Происходящее в своей обыденности было столь абсурдно, что чувство удивления полностью парализовало – ответил очень спокойно.

Белобрысый радостно представился:

– Я – Дима, а это – Ник. В смысле Никита. Но его все Ник называют.

– А тебя вообще-то никто Димой не зовет! Тебя Снежок зовут!

– Пусть так! Но я же все равно Дима!

Максу надоело выслушивать этот пустой треп, и он, все же надеясь, что это не бред умирающего, попросил:

– Ребята, у вас попить нет чего-нибудь? Второй день без воды уже.

Мальчишки синхронно переглянулись, затем уставились на него со странным выражением. Старший, первым не выдержав, спросил:

– А ты вообще откуда?

– Вообще-то я хабаровский, но потом в Питер переехали.

– Да нет, ты откуда здесь взялся? – уточнил младший.

– Из Питера и взялся. Светляк там появился, мы с друзьями смотрели на него, а потом раз – и я в море оказался. Вчера это было. С тех пор хожу здесь, ищу воду и людей.

Ну не смешно ли – общаться с галлюцинациями? Макс, несмотря на четкость «картинки», до сих пор не мог поверить, что перед ним и вправду дети, да еще и по-русски разговаривающие. Нет, определенно его мозг спекся окончательно.

- Ну ты и учудил... – выдав непонятное, Ник покачал головой. – Повезло тебе крупно.
- Да еще и Анфисе не попался! – с восторгом выдал Снежок.
- Какой Анфисе?

– Это рыба, которая тебя чуть за пятку не цапнула. Она вокруг буя постоянно крутится. Прикормленная гадина. Мы ее Анфисой зовем. Не знаю почему, – пояснил Ник. – Она тебя заметила и думала, что ты назад выбраться захочешь, на тот берег. Под уступом тебя караулила. И ошиблась – ты вперед поплыл, через расселину. Да еще быстро так – будто катер. Никогда не видел, чтобы так быстро кто-то плавал. Вот и не успела догнать.

- Он ведь новенький. В поселок его поведем? – уточнил Снежок.
- Наверное. Куда же еще?
- Так он не переболел, наверное. Второй день только.
- Там разберутся. Эй! Макс, ты не переболел еще?

Ничего не понимая, тот начал догадываться – все происходит наяву. С трудом ворочая пересохшими губами, спросил:

- А вы откуда здесь?
- Да откуда и ты, – ответил Ник. – Здесь все такие. Сперва смотрели на светляк, а потом бац – и здесь. А некоторые даже не смотрели – поблизости ошивались, даже не зная про него, и попались. Тебе еще повезло. Странно, что сразу никто не заметил или сам на остров не пошел, – буй ведь рядом совсем, чуть дальше в проливе. Ты почему сразу к острову не пошел?

Макс, осознав, что ему действительно не мерещится происходящее, глупо улыбнулся и, обернувшись, указал вдаль, чуть левее темнеющего у горизонта бесплодного островка:

– Нет, буй – там. Далеко. За островком, и трубы там еще из воды торчат. Вот недалеко от них буй был. Я оттуда пришел.

Мальчишки уставились на него озадаченно. Снежок удивленно воскликнул:

– Вот же повезло тебе, что нас нашел! От самого дальнего буя, получается, добрался. Мало кто оттуда сам приходит.

– Да ты, наверное, совсем от жажды умираешь, – сочувственно произнес Ник.

Макс молча кивнул.

– У нас воды нет, – вздохнул мелкий. – Выпили в обед всю. На остров тебе надо. Мы отведем. Фиг с ними, с ракушками. Правда, Ник?

Старший ответил неодобрительно:

- Рыжий разозлится или даже Бизон. Ох и будет нам...
- Да фиг с ними – новенький гораздо важнее.

– Это ты Бизону сам скажешь, если такой умный. Давай я дальние камни без тебя осмотрю, а ты бегом тащи его в поселок. Как приведешь – так сразу назад: я за двоих никак не успею.

Макс из их разговора понимал только слова – смысл ускользал. Но жест Снежка был вполне ясен: тот приглашал следовать за ним.

Зашнуровал наконец ботинок. Поднялся. Пошел за мальчишкой.

Неизвестно, что здесь происходит, но одно почти очевидно – его должны напоить.

Глава 5

Диме кличка подходила идеально – на фоне до черноты загорелой кожи его почти белая вихрастая шевелюра и впрямь напоминала кучку снега. Он, судя по всему, знал здесь каждый камешек – идти за ним Максу было удобно и приятно. Даже частые обходы не напрягали – их явно делали ради комфорта. Там, где он потерял бы немало времени на раздевание-одевание и заплывы, мальчишка просто находил другой путь – человеку, который знает каждый коралл на дне, это легко.

Вскоре рифовый хаос остался позади – к острову они подошли по мелководью с ровным песчаным дном. Нет, коралловые нагромождения и здесь встречались, но нечасто и лишь в отдельных местах.

Выбравшись на берег, Макс с тоской уставился на крону высоченной пальмы. Там, в основании сходящихся к вершине листьев, висели крупные плоды. Кокосы? Наверняка. Снежок, увы, не стал останавливаться – так и шагал вперед не оборачиваясь. За весь путь ни слова не проронил, что в принципе понятно – хоть местность знает, но за дорогой надо следить в оба глаза и не отвлекаться. Одно неловкое движение – и проткнешь ногу о коралл или обломок раковины: сандалии у него ненадежные.

В кустах обнаружилась широкая, хорошо натопанная тропинка. Почти сразу она вывела к поляне, на которой четверо детишек возрастом лет по восемь – десять возились с длинными мясистыми стеблями какой-то темно-зеленой водоросли.

Не выдержав, Макс спросил:

– Что это они делают?

– Дровяк сушат, – неохотно ответил Димка – его разговорчивость не возвращалась, да и настроение, похоже, упало.

– Дровяк?

– Водоросль такая. Дровяная водоросль. Толстая она и не совсем пустая внутри. Как высохнет, можно на дрова пускать. Не очень она горит и дыма вонючего много от нее, но сойдет.

– А не проще кусты на дрова пускать?

– Нет, кусты нельзя. Только сухие разрешено ломать. За сломанную живую веткусыпать могут.

Вышли на перекресток троп. Снежок, остановившись, неловко помялся и предложил:

– Слушай, может, ты сам дойдешь?

– А ты?

– Да мне лучше Рыжему на глаза не попадаться. Задание не выполнено уже который день. Мало ракушек приносим, а норму сейчас задрали вообще круто. Штраф будет – пайку урежут. Ник без меня тем более не справится. Вон иди по этой тропе до конца. Баррикада там будет, ты в проход топай. Ну а там увидишь здоровенное, на дом похожее – ни с чем не перепутаешь такое. Скажешь, что новенький. Да ты не бойся, все хорошо будет. Ну? Сможешь сам дойти?

– Смогу... – неуверенно ответил Макс.

– Ну, пока тогда, – обрадованно произнес Снежок и растворился в зарослях.

Оставшись один, Макс помялся на месте, не решаясь продолжать путь. Робость напала. Даже про жажду на миг забыл. Странное место, и порядки здесь непонятные. Ладно – лишь бы воды дали.

Уже было пошел дальше, но тут с другой стороны показалась целая процессия – пятеро ребят возрастом лет по шестнадцать – восемнадцать. Все такие же загорелые и с минимумом одежды, у каждого в руках охапка таких же мясистых водорослей – видимо, тащат к поляне новую порцию.

Один при виде Макса изумленно вскрикнул, выронил свой груз и затараторил:

– Привет! Макс! Не узнаешь?!

– Жора?! – изумленно выдохнул тот.

– Ага! Я! А ты что – только появился?!

– Вчера сюда попал. Ходил-бродил, сегодня вот нашел этот остров. А с тобой что?!

– Да то же, что и с тобой! Зря мы на этот светляк пошли смотреть! Да здесь целый остров для таких любопытных! Вот мы и встретились! Ха-ха-ха!

– Да нет! Ты почему такой загорелый?! Черный! Вчера ведь как сметана белый был!

– Эх... сметанки бы сейчас из холодильника... Так ты что – вообще ничего не знаешь?

– Жора! Я только что пришел! Я со вчерашнего дня ничего не пил! Пацан какой-то показал дорогу, куда идти, и вот иду теперь!

– А! Тогда ясно! Слушай – ты постой тут немножко. Я сейчас дровяк отволоку и вернусь. Проведу к штабу. Ох и много тебе узнать надо... даже не знаю, с чего начинать...

Помня о болтливом характере соседа, Макс почти с ужасом замахал руками:

– Хватит трепаться – говорю же: от жажды вот-вот свалюсь!

– А! Ладно! Извини! Стой тут! Я пулей!

* * *

Пулей у Жоры не получилось – Максу пришлось прождать его минут пять, показавшихся вечностью. Трудно терпеть, когда знаешь, что где-то рядом тебя наконец-то напоят.

Вернувшись, Жора, не останавливаясь, поманил за собой:

– Пошли, Макс. Ты это – только сильно ничему не удивляйся. Пока новенький, много чего не будешь понимать. Фигни здесь всякой хватает. Я в первые дни тоже дурак дураком был.

– Дни?! Мы ведь вместе сюда попали!

– Нет, там хитро все. По всему получается, что чем ближе стоишь к светляку, когда он начинает бросать сюда все, что вокруг него, тем быстрее оказываешься возле буя. У нас тут есть ребята, которых целая толпа попала. Когда последний из них долетел, первый уже полгода здесь околачивался. А может, он и не последний был – не все из них добрались. Может, на Земле остались, может, утонули, может, Анфиса их того... или еще что случилось. Так что не удивляйся – так всегда бывает. Даже те, кто совсем рядом стояли, вместе не попадают никогда.

Несмотря на туман в голове, Макс напрягся – информация была очень важной.

– А ты здесь сколько уже?!

– Да я не считал... Месяца два, наверное.

Остановившись, Макс начал лихорадочно вспоминать последнее, что увидел на Земле. Как кто стоял, какое расстояние между ними было.

Жорик, тоже остановившись, удивленно спросил:

– Ты чего?! Пошли! Сам говорил, что аж умираешь, как пить хочешь, а теперь остановился!

– Я думаю. Ты тогда склонился над светляком. Совсем рядом был. Так?

– Ну вроде так.

– Я стоял за тобой и отталкивал Леру назад, подальше от светляка. Когда вспыхнуло, я еле до нее рукой доставал. Выходит, она тоже здесь окажется через пару месяцев?

– Может, так. А может, через полгода – не угадать с этим: быстро никогда не делается, а затягивается надолго часто. И не обязательно, что вообще появится. Хотя кто его знает... Может, абсолютно всех сюда бросает, кто рядом был, но вот везет не всем.

– Анфиса?

– Не только. Хотя Эн говорит, что не всех светляк забирает. Ну? Ты так и будешь столб изображать или пойдём?!

– Пошли.

– Макс, там, в штабе, с тобой из старших кто-нибудь говорить будет. Ты там сильно не быкуй – здесь так не принято.

– В смысле, «не быковать»?

– Ну, мало ли что там всплывет при разговоре, – уклончиво ответил Жора и перевел разговор на другую тему: – Тебя на дальний буй кинуло?

– Да. Вчера. Думал, умру – нигде воды найти не смог.

– Не повезло тебе – оттуда в одиночку давно уже никто не выбирался. Далеко и трудно. Да и откуда узнать, куда идти надо?

– А ты как добрался? Или на другом бую оказался? На том, который рядом?

– Нет, светляк всех, кто попался, кидает в одно место. Я тоже на дальний попал. Повезло – как раз экспедиция там была и меня подобрали.

– Экспедиция?!

– Ну иногда, редко, к дальним буям посылают народ. Светляк ведь когда срабатывает, не только людей хватает, а вообще всякое. Добро разное сюда попадает. Машину может забрать, дерево или даже здания кусок. Но это редко – в основном мелочовку хватает. Тонет, конечно, многое, а что не тонет, то течением уносит. Но кое-что найти реально, если волны на рифы выбросят. А на дальнем, куда нас кинуло, еще бывает, что людей на камни швыряет. У мертвецов полезного находят много: одежда, вещицы разные, обувь.

Макс не был дураком, и на основании скудных слов Снежка и Жоры перед ним начала вырисовываться призрачная картина здешнего существования. Со временем она обрстет деталями, станет цельной, но и сейчас уже многое понятно.

Это Остров Потерпевших Кораблекрушение. Люди, заброшенные непонятно куда, неподготовленные, ничем не обеспеченные. Подбирают потихоньку таких, как сами, и живут дарами кораллового моря.

– Жор, а назад как-нибудь можно попасть?

– Если и можно, то никто не знает как. Будь такой способ – все бы уже на Землю вернулись. Хреново тут жить, сам это поймешь скоро.

– А много здесь людей?

Жора пожал плечами:

– Я не считал. Человек сто пятьдесят, наверное.

Макс попытался присвистнуть, но пересохшие губы подвели – прошипел будто змей разозленный:

– Ну ничего себе! Да к этим светлякам на километр никого нельзя подпускать! Целую толпу уже занесло из-за них!

– Да это разве толпа! – хмыкнул Жора. – К нам хорошо если каждый сотый попадает.

– А остальные?

– Кто-то гибнет сразу, а кто-то...

Договорить Жора не успел: тропинка вывела к большой поляне. Здесь, окруженный невысоким песчаным валом с баррикадой, стоял поселок. А в нем сразу бросался в глаза... Нет, не дом. Прав был Снежок – ни с чем такое не перепутаешь и мимо точно не пройдешь. Будто половинка исполинской груши, уложенная на срезанную сторону, причем кожура фрукта состояла из миллионов матово-черных многоугольных чешуек, беспорядочно топорщащихся в разные стороны.

Сооружение на вид казалось таким же старым, как встреченные до этого трубы, но, в отличие от них, не было заброшенным: широкий пятиугольный проем в боку «груши» задернут плотной занавеской из пальмовых листьев, переплетенных водорослей, травяных стеблей и ветхого тряпья. Над ним устроен навес из веток кустарников, щедро обмазанных слоем какой-то черной субстанции вроде асфальта.

Загадочная конструкция и примыкающая к ней территория были ограждены завалом из сучьев, ветвистых обломков кораллов и камней. Высота этой преграды мало где превышала полтора метра, но перебраться было проблематично – густо натканные острые ветки тянулись гораздо выше.

В защищенном периметре под самой баррикадой тянулся ряд навесов из веток, все тех же водорослей и непонятной черной субстанции; дальше шли хижины со стенами из камней и клубков морской растительности – размерами эти жилища немногим превосходили собачьи будки. Между ними кое-где виднелись ямы, накрытые пальмовыми листьями, а возле единственного прохода в укреплениях поднималась одинокая вышка, установленная на тройке древесных стволов. Наверное, тоже пальмовых.

Возле прохода в баррикаде, укрывшись в тенечке навеса, на плоском, явно обработанном камне расположился крепкий парень лет двадцати. Кроме него, никого живого не замечалось.

Но это продолжалось недолго. Не успел Макс как следует все рассмотреть, как послышался лай и откуда ни возьмись его окружила свора собак. Шесть псов: две невзрачные дворняги и четыре породистых. Пекинеса, конечно, можно не брать в расчет, но вот остальные...

Детина у входа подскочил, крутанул в руке дубинку, уставился на Макса, требовательно крикнул:

– Жорик! Это кто с тобой?!

Сосед, миролюбиво подняв руки, поспешно прокричал:

– Да свои! Свои! Рыжий, все норма! Новенький это со мной!

– Что за новенький?!

– Да я его знаю! Вместе к светляку попали!

– А вдруг он шпион готов?! Ручаешься за него?!

– Конечно, ручаюсь! Мы ведь соседи – в одном подъезде жили!

– Предупреждать надо, когда чужого ведешь! Вот ведь ушлепок тупой!

– Да забыл я, что они на чужих так бросаются!

– А бестолковку свою на шею нацепить не забыл? – С досадой сплюнув, Рыжий резко свистнул.

Псы, только что рычавшие, лающие и брызгающие слюной, угрожающе ворча, разомкнули кольцо, нехотя убралась в кусты. У Макса от сердца отлегло – собак он никогда не боялся, но сейчас уже было решил, что порвут до полусмерти, если не хуже.

С закрытой площадки на вышке свесился еще один крепкий парень, крикнул:

– Что за шум, а драки нет?! Приготовьтесь к цирку – сейчас начнется!

Что начнется, Макс понял через секунду. Занавеска на входе в «грушу» отлетела от страшного рывка, на пороге появилась девчонка с длинными светлыми распущенными волосами. И сама она была такая же светлая – первый человек, встреченный здесь, который не загорел до состояния почти полной черноты. Если не считать Макса, конечно.

Картинно подбоченившись, «светлая» визгливо прокричала:

– Толик спит! Он сказал, чтобы ни звука не было! Уймите своих псин!

– Сама уймись, – лениво ответил Рыжий и добавил: – Обалдуй новенького привел. Может, сама с ним разберешься?

– Собак уйми! Последний раз говорю!

– А то что? – хохотнул он.

Чуть ли не зашипев, странная девчонка скрылась в темных глубинах штаба.

Жора ухмыльнулся:

– Так ей и надо!

– А кто это?

– Это? Да это просто Ленка. Строит из себя... Снежная Шапочка...

Макс не стал поправлять литературную ошибку Жоры. Все это ему уже смертельно надоело – уж очень пить хотелось.

Жора тем временем подошел к проходу в изгороди и, указав на Макса, пояснил:

– Вот. Привел его к старшим, как полагается.

– Ну вижу, – лениво ответил Рыжий. – И что? Слышал? Бизон храпит. Он когда бодяги насосется, до ночи может провалиться.

– А без него что – никак нельзя?! – вскинулся Жора. – Слушай, он от дальнего буя пришел, того, что за трубами. Сам пришел. Никто ему не помогал. Понял? Устал он и пить хочет.

Рыжий, обернувшись к Максусу, осмотрел его с пяток до макушки, медленно покачал головой:

– А ты, выходит, не совсем сопля, раз не помер по дороге.

– Да! Он сильный! Видал, какой здоровый! И еще он спортсмен! Пловец! Он на соревнованиях побеждал! – затараторил Жора.

– Пловец? – Рыжий вновь бросил такой же изучающий взгляд, но теперь в нем было на порядок больше интереса. – Лет тебе сколько, пловец?

– Восемнадцать... почти.

– Надо же... какой большой мальчик, – хмыкнул парень и вдруг, нахмурившись, внимательно уставился Максусу в глаза, затем резко приказал: – Руки! Руки вытяни перед собой! И пальцы растопырь!

Тот послушался – ни на удивление, ни на уточнение сил уже не осталось: добравшись до навеса, Макс вдруг в одно мгновение расклеился.

Внимательно осмотрев пальцы и ладони, Рыжий чуть спокойнее заметил:

– Вроде не дрожат. Но в глазах точки красные. Ты кого сюда притащил?! У него же трясучка!!! – неожиданно набросился на Жору.

– Так у всех трясучка! Он ведь новенький! – начал оправдываться Жора.

– Вот в клетке ему и место!

– Зачем ему в клетку?!

– А затем! По диксам сильно соскучился?!

– Так сам видишь – руки у него не дрожат. И молодой он совсем. И второй день уже здесь. Раз до сих пор нормальный, то все хорошо с ним. Трясучка ведь долго не тянет – полдня или день, и получается дикс!

– Ишь ты... умник... Профессор-академик. И откуда только всегда все знаешь? Может, вместо Эна у нас теперь будешь или в ученики к нему пойдешь?

– Да чего ты взелся! Сам же видишь: нормальный он!

– Что я вижу – не твое дело! Я дикса в шаге от себя видел, а вот тебя в это время рядом не заметил! Развелось тупарей... – Отвернувшись от Жоры, Рыжий требовательно обратился к Максусу: – Башка кружится? Во рту горечь есть? В ушах стучит?

– Ну да...

– Глаза болят?

– Да – их сильно режет.

Почесав затылок, тот уточнил:

– Так когда, говоришь, ты здесь очутился?

– Вчера.

– Утром?

– Вроде нет – день уже был. Солнце высоко стояло. Но не полдень – оно еще поднималось.

– Наблюдательный, значит? – Голос Рыжего был полон непонятого сарказма.

Помня советы Жоры не лезть на рожон, Макс спокойно ответил:

– Есть немного.

– Это хорошо – нам такие пригодятся. Ну теперь расскажи: как сюда добрался без помощи.

– Мне бы попить... со вчерашнего дня ничего не пил. Только морскую воду немного.

Рыжий, ослабившись, заметил:

– Вода у нас дорогая, а ты еще ничего не заработал.

Жора, не выдержав, заканючил:

– Рыжий! Ну вот что ты за человек?! Хватит тянуть! Вот тебе бы два дня пить не давать! Отработает он – никуда не денется! Вот чего пристал?! Видишь же, еле разговаривает! Или у тебя никогда во рту не пересыхало?

– Приткнись, – беззлобно рявкнул Рыжий и без энтузиазма добавил: – Ладно, шагай за мной.

Макс, уже почти ничего не соображая от непреодолимого желания выпить что угодно, покорно прошел к входу в «грушу». Здесь, остановившись под навесом, Рыжий приказал:

– Ждите здесь, я сейчас.

Дождавшись, когда парень исчезнет за занавеской, Жора заговорщицки подмигнул и тихо добавил:

– Повезло нам. Он с Ленкой поцапался и в кладовые теперь не пойдет – свежей наберет, прямо с пластин. Холодненькой. Хочешь холодненькой водички?

Макс чуть взглядом не убил Жору, но высказать ничего не успел – изнутри донесся громкий голос Рыжего:

– Эй! Пловец! Ты только не лакай большими глотками. Вредно тебе это. По чуть-чуть потребляй.

Вслед за ним голос Лены опять потребовал заткнуться.

Господи, да они, похоже, до бесконечности собрались Макса дразнить!

* * *

Макс за свою недолгую жизнь выпил уже несколько тонн разных напитков. Нет, не спиртных – этой дрянью он не баловался. Соки, компоты, минералка различная – попадалось и вкусное, и не очень. Но сегодня ему досталось нечто волшебное.

Обычная вода. Чистая, холодная, в чаше из половинки кокосового ореха. Во всем мире не найти ничего желаннее и вкуснее.

Едва удерживаясь от непреодолимого желания уничтожить все одним залпом, пил мелкими глотками. Но все хорошее рано или поздно заканчивается – вот и дно показалось. Умоляюще покосился на Рыжего, но тот уже без подсказок протягивал второй орех:

– Держи, пловец. Но это все – нельзя тебе много. И так я переборщил по доброте душевной.

– Я бы тоже холодненькой хлебнул, – мечтательно произнес Жора.

– Море рядом – смотри, только все не вылакай, – ухмыльнулся Рыжий. – И вообще – ты почему не на работе?! Забастовку объявил?! А?!

– Я... Так ведь я его привел! Новенького!

– И что? Он, что ли, за тебя норму делать будет? Или Пушкин Александр Сергеевич?

– Да я успею!

– Надо же. Он успеет. Да ты у нас могуч!

Макс, с трудом оторвавшись от чаши, протянул ее Жоре – там оставалось еще несколько глотков:

– На.

– Да ты что! – Жора даже попятился. – Это тебе. Пей давай.

Рыжий расхохотался:

– Жорик, да он о тебе заботится! Может, в жены взять хочет? Только появился, а уже стремится создать ячейку общества. Какой шустрый парень!

– Да мы просто знакомы давно. Я же говорил. Еще на Земле.

Макс не стал настаивать – добил чашу сам. Столько выпил, а все равно хочется еще.

Рыжий, больше не обращая внимания на красноречивые взгляды, отобрал опустевшую посуду и отрезал:

– Все! О тебе же, водохлеб, забочусь! Нельзя много. Тем более холодной. Не смотри, что здесь жарко, – воспаление легких схватить махом можно. А больнички у нас нет. Усек?

– Да.

– Вот и хорошо, что ты такой понятливый. Что же мы с тобой дальше делать будем...

– Не понял?

Ничего не ответив, Рыжий повернулся к Жоре:

– Раз давно его знаешь, то к тебе его и приставим. Три дня тебе даю – обучишь всему, чему положено. Если на четвертый он будет дурака включать на детских понятиях или норму не сможет делать, то отвечать придется тебе. Усек?

– Усек я – все нормально с ним будет.

– Вот и ладненько – никто тебя за язык не тянул. Этот вопрос мы решили. Теперь... – Скосив взгляд на ноги Макса, Рыжий заговорил странно: – Слышь, пловец, у тебя лопари нестерпимо серьезные. Северный полюс покорять собрался? И где твои сани и флаг?

– Что?

– Да боты у тебя, говорю, непростые.

– Нормальные ботинки.

– Слышь, и как ты себе представляешь в таких землю топтать? Здесь тебе не Гренландия.

Макс покосился на свои ноги. Ботинки, несмотря на долгое пребывание в морской воде и экстремальные нагрузки, держались молодцом – лишь вымокли и пятнами соли покрывались, подсыхая. Не понимая, на что намекает Рыжий, пожал плечами:

– В них удобно ходить. Дорогие они. Хорошие.

– А ты что, еще не просек, что погода на дворе не сильно снежная? Я тебе на пальцах сейчас поясню, что с тобой будет дальше. Дальше у тебя на ногах грибы-мухоморы и плесень зеленая вырастет, если ты продолжишь так ковылять. Потом ногти слезут, и сгниют твои ноги до косточек. Понял?

– Ну...

– Баранки гну! Нельзя по воде шагать в такой обуви, и по жаре тоже нельзя. Шлепки тебе надо. Вот – как у всех нормальных людей. Сам глянь, что мы таскаем.

На ногах у Рыжего были обычные шлепанцы для пляжного отдыха или бани, а Жора красовался в тех же уродливых «крокодилах», что и Снежок. Макс не имел ничего против такой обуви, о чем и сообщил:

– Ну ладно – давай шлепки.

– Дать?! Если каждому давать – ломается кровать! Взамен-то что подгонишь?

Макс недоуменно пожал плечами:

– А что тебе надо?

– Нож есть? Любой, пусть даже китайский одноразовый – по фигу.

– Нет. Ключи только, вот. И еще немного денег есть.

– Да нужны мне твои деньги! А ключи ты вообще сдать обязан, как и весь металл, от которого пользы нет. Собираем мы его, всем обществом – закон у нас такой. Раз воду нашу пьешь, то соблюдай.

– Ну не знаю...

– Можно мах на мах: ты мне свои боты, а я тебе шлепки. Шнурки, смотрю, длинные – сгодятся. Часы еще можно – я смотрю, они у тебя идут даже.

Отдавать дорожные ботинки или отцовский подарок за дешевые шлепки Макс не хотелось, и он предложил:

– Еще жвачки немного есть.

– О! Это тема! Покажи!

Увидев, что в пачке остались всего лишь три «подушечки», Рыжий резко поскущел:

– Не. Мало это. За целую я бы еще подумал.

– Да этим шлепкам цена копейка в базарный день! – возмутился Жора.

– Обалдуй, усохни! Давай так: жвачка мне, а шлепки тебе. И носи на здоровье. Но ты мне будешь сильно должен!

Макс понятия не имел, что это означает, но сама идея забираться в долги его не прельщала:

– А как расплачиваться буду?

– Услугу окажешь лично мне, потом скажу какую. Или принесешь что-нибудь ценное, тоже лично мне – из того, что разрешено себе брать. Раз пловец, то с морем подружишься, а оно у нас не жадное, если умеешь. Только смотри – пока не расплатишься, не давай себя Анфиске съесть!

– Вы там долго еще будете болтать! – выглянула из-за занавески раздраженная Ленка.

– Будешь возникать – мы тут вообще навсегда поселимся, – нагло ответил Рыжий.

Непечатно выругавшись, девица исчезла, а Макс, после утоления жажды немного придя в себя, только сейчас заметил странное – из-за занавески ощутимо тянуло холодом. Будто рядом с холодильником открытым стоишь. Что там у них – кондиционер мощный? Чудеса...

– Ну так как? Согласен? – нетерпеливо уточнил Рыжий.

Макс не стал больше колебаться – в его обувке и впрямь здесь не разгуляешься, а босиком бродить невозможно:

– Ладно. Согласен.

– Смотри, ты теперь мой должник!

Рыжий скрылся в «груше», при этом из-за занавески опять повеяло холодом. Отсутствовал он недолго – выйдя, протянул Максу такое же убожество, как у Снежки и Жоры. Подошвы от какой-то разукomплектованной обуви, облепленные черной гадостью, и с кожаной широкой петлей для обхвата ступней. Самодельное изделие – неуклюжее, топорной работы.

– Эй! Мы так не договаривались! – возмутился Макс.

– Не понял?! Договор был насчет шлепок – давай забирай!

Макс указал на ноги Рыжего:

– Вот у тебя – шлепки, а это копыта от бегемота.

Хохотнув, тот согласился:

– Да, чистую правду сказал. Только знаешь, пловец, у нас здесь не китайская ярмарка. Или бери эти, или дальше броди в своих потных валенках. Таких, как у меня, здесь не продают. Хочешь, карауль у буя – может, и тебе выпадут, но скорее Анфиска ноги отхватит, и тогда вообще без обуви жить сможешь.

Опять высунулась Ленка и прошипела:

– Если Толик проснется, он вам всем сделает!

Не обращая на нее внимания, Рыжий подытожил:

– Жору к тебе на три первые дня я приставил. Обувью обеспечил. Пайку и ты, и Обалдуй все три дня будете получать рабочую, а дальше уже по выработке. Оба завтра дроваком займетесь – там работа несложная и почти все время в воде: как раз для пловца. Если хорошо себя покажешь, там уже думать будем, куда тебя и как. А пока ты просто никто, и звать тебя никак. Усек?

Макс молча кивнул.

– Ну тогда валите отсюда. Оба. Жорик, на сегодня ты, хитроеврейская морда, проскочил: дрова без тебя останутся. Срочно разберись с пловцом, а то он совсем дикий. Нам спортсмены пригодятся – не дай ему зачихнуть. Отвечаешь за него. А завтра с утра начнете пахать как два колхозных трактора. Ну что стоите?! Бегом!

Глава 6

Жора молчал недолго – целеустремленно затащив Макса на одну из тропинок, веером разбегающихся от входа, затараторил:

– Вот ведь козлище рогатый! За паршивые шлепки на долг посадил!

– Это плохо? – насторожился Макс.

– Ну... когда как. Скажет, например, чтобы отдал креветками, – и будешь ты как дурак гонять этих креветок до полной темноты.

– Их что – трудно наловить?

– Мелких легко, да только они не нужны никому – в них есть нечего, а возни с ловлей и чисткой много. А крупные – хитрые как собаки, трудно их брать. И не забывай, что еще норму надо будет успеть выполнить. Ладно, раз пока ничего не требует, то можно забыть. Как слово скажет, так ясно станет.

– Жора, мне надо будет дожидаться Леру. На дальний буй можно как-нибудь вернуться за ней? Она ведь тоже должна здесь появиться.

– И что ты там пить будешь в ожидании? Мочу? Или морскую воду? А диксы? Забудь, на дальнем буге в одиночку и дня не протянуть. Когда экспедицию посылали, с ней двенадцать водоносов шло – у каждого за спиной корзина с орехами, водой заполненными. Еще шестеро несли два плотика разборных – чтобы груз на них через воду переправлять. Туда нет троп, чтобы все время по суше или мелям шагать. Так они и продвигались, нычки по пути делая, чтобы на обратном пути выпить. Как дошли, так день провели, ночь переночевали, утром немного полазили – и назад. Когда сюда подходили, воды уже ни капли не оставалось – во рту у всех пустыня раскаленная была. К ним, правда, я прибавился, но много ведь не выпью. Ты понял? Восемнадцать человек туда шло, и всего на два дня хватило припасов. Там ни есть, ни пить нечего, а принести с собой много не получится – рюкзаков нормальных нет, а идти трудно. Так что забей.

Макс упрямо покачал головой:

– Ты не понял – я должен.

– Да понял я! Понял! Любовь у вас! Это я и раньше знал!

– Да нет... то есть да. Слушай, она плавать не умеет. Точнее, умеет, но очень плохо. Если, как я, упадет вдали от берега, то в одежде... Жор, я ее дожидаться должен.

– Ты меня вообще слушаешь?! Как ты без воды собрался там ее караулить?

– Придумаю что-нибудь. Время ведь, как я понял, еще есть. Месяца два должно быть. Наверное...

– И что ты придумаешь? Забей лучше! Не факт, что она вообще прилетит: ведь не все сюда добираются. И на дальнем буге разбрасывает народ сильно – некоторые над рифами оказываются и разбиваются насмерть. Ночью тоже можно попасть – в такое время вообще ничего не увидишь. Шансов помочь ей у тебя нет. Почти нет. А если и вытащишь ее как-нибудь, то что дальше?

– Ну... вернусь сюда.

– А куда ты денешься – вода ведь только здесь. Приведешь, и что? Тебя по возрасту к простым ребятам определили, теперь твоя судьба – пахать. Ниже тебя только мелкие, но это ведь совсем дети – с них спрос другой. Тот же Рыжий возьмет и заберет твою Леру себе.

– Это как заберет?!

– А просто. Скажет, что ты за шлепки ему должен, и заберет.

– Здесь что – рабство?!

– Да не, тут правильно все. Как в летнем лагере: старшие отдельно от младших, только без вожатых и столовой. Вот и получается, что старшие живут получше. Думаешь, она возра-

жать будет? Кто ты – и кто он! Видел Ленку эту? Белая как мел. На солнце вообще никогда не бывает – сидит в штабе днями, носа не высывая. Там ведь хорошо – холодок, приятно. Воды полно ледяной, еды разной, лучшие вещи там, устроено все удобно. А ты будешь жить в шалаше уродском, на песке ночевать. Зачем Лерке такие женихи нужны? А когда Бизону на глаза попадет? Ему светленькие нравятся очень – вот такие, как она. Даст Ленке отставку и себе заберет, не спрашивая согласия. Даже у Рыжего не спросит – тот и пикнуть не посмеет. И никто не посмеет. Потому что здесь главнее него никого нет, а ты сейчас вообще никто. Он когда выпьет, совсем дурак становится и за слово, поперек сказанное, может так отметелить, что почки с мочой вытекут. Перед тем как меня сюда занесло, он убил одного парня только за то, что тот орех кокосовый втихомолку заточил. Кто-то стукнул, и Бизон его забил. Кулаками.

– И почему вы такое терпите?! – удивился Макс. – Вас ведь много!

– Да? И что? Ты видел Рыжего? Ему больше двадцати лет. Бизону все двадцать семь, говорят. И остальным его ребятам под столько же. Все неслабые – сплошные бугаи. Они наши солдаты. Понимаешь?

– У вас своя армия?

– Вроде того. Без них никак – если что, то они за всех отдуваются. Дерутся. С полгода назад готы появились, так наши отбились, но три покойника было. Один сразу помер, двое мучились долго – докторов ведь нет. Опять же – диксы. От них защищают. И новичков в карантине тоже они выдерживают, а это занятие очень противное. Получается, не зря они ни хрена не делают, пока все пашут: когда до горячего доходит, тогда начинается их работа. Ну и, конечно, положение у них особое из-за возраста. Будь нам по сорок, а им по сорок пять, то разницы вроде и нет, а когда тебе семнадцать, а им двадцать два, то совсем другое дело. Сила за ними приличная – самые крепкие наши ребята. Тем более что у них оружие кое-какое есть. И беспредела у них не уважают. У того типа, которого за кокос Бизон забил, и до этого косяков хватало, вот и напросился. Суда у нас нет, тюрьмы тоже нет – сразу все решают. Так что не задавай больше глупых вопросов. Тут, может, и не всегда все красиво, но иначе не получается.

Макс остановился, произнес с укором:

– Жора, из того, что ты говоришь, я одно слово из десяти понимаю.

– Да ничего – привыкнешь. Если что непонятно – переспрашивай. Только не стой на месте – нам к бородавке надо побыстрее добраться. Поблизости их давно уже вывели, так что на Пустой мыс придется переться. Их там полно.

– Пошли, но давай так: ты молчишь – я задаю вопросы. Договорились?

– Хорошо. Макс, а...

– Стоп! Мы ведь договорились!

– Ну хорошо-хорошо, – притих Жора.

– Начнем. Что за бородавка?

– Увидишь, когда придем.

– Ладно. Кто такие готы?

– Ну это другая толпа. Вроде нашей, но какие-то нерусские. К нашим буям только из России прилетают, да и то не всей – из Сибири никого пока не было. А у них, получается, или арабы сыплются, или вообще не пойми кто. Совсем отмороженные – собираются толпами и бегают по рифам. Если им попадешься, то хана – без разговоров валят. Говорят, они уже несколько поселков захватили – жителей или убивают, или в рабство определяют.

– Ладно, это понял. Местные отморозки. Получается, у них тоже вода есть?

– Конечно, есть, иначе они бы давно вымерли.

– А кто такие диксы?

– Это... Видел, Рыжий на руки твои смотрел и на глаза? И здоровьем сильно интересовался...

– Ну?

– Каждый, кто сюда попадает, почти сразу заболевает трясучкой. Это болезнь такая – руки от нее дрожат, глаза болят и краснеют. Затем начинает кружиться голова. А потом все проходит. Быстро проходит – за день обычно. Но не у всех – только у молодых самых. Взрослые после трясучки очень редко в себя приходят. Почти никогда. У них все не так – у них руки начинают дрожать все сильнее и сильнее. А потом они становятся диксами. Говорят, «дискс» – от слова «дикий». Подходит к ним такое. Уже не человек, а зверь дикий. Днем они обычно на глаза не показываются, а ночью выбираются. Если попадешься такому, то хана – они бегают очень быстро, силища у них немереная, боли не чувствуют. Рассказывают, и я этому верю, что одного копьем насквозь проткнули, а он все равно у пацана глотку вырвать успел. Из-за дисксов мы на ночь собираемся за оградой и вход закрываем. Но все равно бывает разное – они ведь и днем могут встретиться. Нарываются наши иногда.

– А где дисксы воду берут?

– Да кто их знает – они ведь не рассказывают. Может, им морской вообще хватает – живут на ней, как мутанты. Говорят, видели, как дискс жрал медузу, выброшенную на берег. В них ведь жидкости, наверное, много – может, так и выживают.

– Насчет воды – откуда она здесь?

– О! Это вопрос хороший! Я давно ждал, когда ты его задашь!

– Ну так не тяни.

– Макс, да на него нет ответа.

– Не понял?

– Ты когда сюда шел, случайно не видел труб больших, что из воды выглядывают? В один ряд торчат – будто зубчики на расческе.

– Видел.

– А сам буй видел?

– Не только видел – я даже посидел на нем немножко.

– А эту хреновину, на грушу обрезанную похожую, что мы штабом называем, видел?

– Я похож на слепого?

– Макс, никто не знает, откуда все это. Здесь повсюду разные штуки странные стоят. Очень старые на вид. Эн говорит, что здесь была цивилизация в давние времена, но сгинула до нашего появления. Конец света у них наступил почему-то. Но штуки эти остались. В основном они бесполезны – никому не мешают, но и толку от них никакого. Для чего поставлены – не знаем. С буями только понятно: они обозначают места, куда падает все, что светляку попало. А в этой груше есть что-то вроде огромного кондиционера. Или холодильника. Я заглядывал одним глазком и видел кучу пластин. Одни слоем льда покрываются, на других вода конденсируется, но не замерзает, а стекает. Вот ее мы и пьем. Лед тоже в дело идет: в нем продукты замораживать можно.

– А энергия откуда берется?

– Не знает никто.

– А если перестанет работать?

– Это будет очень плохо – ведь без воды останемся. Только чего ей ломаться? Вон буи работают нормально, и вода тоже идет всегда, без перебоев.

– А кроме вас и готов люди здесь еще есть?

– Есть. Приходили несколько раз, и в дальних экспедициях иногда сталкивались.

– И как?

– Когда как. Обычно миром расходились.

– Что они говорили?

– Да они обычно все нерусские, а у нас переводчиков не было. На пальцах особо не поговоришь. С русскими тоже ничего интересного. Вроде у них все как у нас – рифы, мели, море, скука и все время жрать охота. Еще где-то за дальним бумом наш поселок есть. Второй. Давно,

еще до меня, здесь какая-то буча возникла, и часть народа туда перебралась. Но с тех пор о них ничего толком не известно.

– А они где воду берут?

– Не знаю. Может, колодцы смогли сделать или у них свои «кондиционеры». На Большом острове, говорят, даже озера есть с пресной водой.

– Большой остров? Кто там живет?

– Да никого там нет. Это территория диксов. Там их как блох на шелудивой собаке. Самое опасное место. Еще там тритонов полно. В общем, очень весело.

– Тритоны?

– Твари вроде крокодила. Здоровенные. Они редко в море выбираются и еще реже сюда доходят, но если попался, то хана – даже на суше догнать может. Быстрые твари. Большой тебя сразу прикончит, мелкий хватанет и подождет в сторонке. Яд у них на зубах – мясо от костей начинает отваливаться. Час-другой – и ты валяешься, а он тебя доедает... еще живого. Понял теперь, почему на Большом никто жить не хочет?

– Понял. А как же диксы там выживают?

– Наверное, тритонов жрут – это же диксы. – Жора сам засмеялся от своего предположения и тут же сменил тему: – А вот и Пустой мыс.

Заросли исчезли – будто отрезало. Впереди тянулись голые песчаные дюны. Жора, обходя их понизу, пояснил:

– Здесь раньше кусты рубили на дрова, от этого и получилась пустыня. Поэтому и запретили вырубки. Кому охота жить на таком месте? Тем более что ветер с ума сведет – от него ведь ничто здесь не защищает. Так что, Макс, перед тобой настоящая экологическая катастрофа. Наш Чернобыль. Мы до сих пор на границе кусты водой поливаем, когда дождей долго нет, – боимся, что дальше начнут пески расползаться. А вот и бородавки!

Жора выбрался на берег и указал вдаль – там, на группе рифов, чернели те самые странные бугры, заинтересовавшие Макса еще в первый день.

В шлепках идти было непривычно, но гораздо приятнее, чем в ботинках. Прав был Рыжий – ноги должны дышать, тем более при таком пекле. Добравшись до ближайшей бородавки, Макс остановился, не зная, что делать дальше, – так и замер по пояс в воде. Жора, забравшись на риф, достал из кармана палочку, сделанную, похоже, из бамбука. Снял черный колпачок, обнажив острие. Зажав в кулаке это немудреное орудие, принялся раз за разом бить в одну точку на поверхности бугра. Пружинящая шкура начала поддаваться, и вскоре, проделав приличную дыру, Жора запустил туда руку и вытащил комок какой-то липкой черной дряни, норовящей стечь по руке.

– Макс, раздевайся догола и полностью себя обмазывай этим. Спину я помогу.

– Зачем?!

– Ты давай быстрее, не стой! Чем быстрее сделаешь, тем лучше будет.

– Объясни хоть.

– Посидишь под кустом, пока не высохнет, потом смоешь – высохшая в тени липучка с кожи легко смывается. Потом все – солнце тебе не страшно. Хоть весь день загорай – ожогов не будет. Но надолго ее не хватает – послезавтра повторять придется, а лучше даже завтра. Еще плохо, что чесаться иногда начинает после этого, но перетерпеть можно. Ты давай мажься. На нашем солнце сгореть до костей можно – тебе ведь завтра работать придется, а там укрытий не будет. И ожоги твои болеть перестанут – она их мигом лечит.

– Запах от этой гадости – как от старых носков.

– Ничего, лучше вонь потерпеть, чем сгореть. Через недельку у тебя загар как у всех станет, тогда можно будет и без липучки обходиться.

– Кто догадался до такого, хотелось бы знать?..

– Вроде Эн придумал – он много чего придумывает. Шлепки эти тоже он придумал. Много возился с липучкой и вообще с бородавками – и заметил, что от ожогов помогает. Резину видишь на шлепках? Это тоже из бородавки. Тот слой, который до липучки идет, берется для таких дел. Если его промять хорошо и потом нагреть на огне, то он, пока не остынет, любую форму может принять – как пластилин. Но как застыл – то все. Потом хоть жги – не размягчится. Но при этом упругий.

– Удобно, – сказал Макс, натираясь липкой массой.

– Это точно. У нас бородавки на все дела идут – даже навесы обмазываем липучкой. Потому рядом и не осталось – вывели их. Эн говорит, что нельзя их все убивать, вот и начали по чуть-чуть забирать. Видишь, я эту дырку хорошенько замазал. Через месяц от нее и следа не останется. Бережем.

* * *

Пока Макс, сидя на песке в тени от куста, терпеливо дожидался, когда высохнет чудодейственная субстанция, Жора трещал без умолку. Он рассказал чуть ли не всю свою местную биографию, начиная с первого дня, когда, высунув от возбуждения язык, снимал светляк и вдруг брякнулся на мелководье. Крупно повезло – плавал он неважно.

Второй раз ему повезло, когда на следующий день, ослабев от жажды и трясушки, услышал неподалеку человеческие голоса – это оказалась экспедиция из поселка.

С ними он добрался до острова и влился в местное общество на тех же правах, что и Макс. В долги, правда, не влез – за шлепки отдал свои ботинки и ни разу не пожалел о таком неравноценном обмене. Им в принципе сносу нет: плотная подошва берется от нормальной обуви – это основа, а все остальное дарит «бородавка». Если что – всегда найдется материал для ремонта. Ремешок кожаный сделать тоже не проблема – одной зимней курткой можно обеспечить нужды всего общества на год вперед.

Жору, как и остальных, здесь не опускали ниже плинтуса, но и расслабляться не позволяли. Поселение жило морем – на суше ничего съедобного, кроме кокосов, не было. Пальм мало, дерево давало орех один раз в пять – семь дней – на всех не хватит, так что они были деликатесом для верхушки, нечасто доставаясь рядовым. Но главное применение: из кокосовой стружки и молока изготавливался алкогольный напиток. Наверняка жуткая бурда, но альтернативы ему не было. При дефиците сырья обильные возлияния мог позволять себе лишь Бизон – этим и объяснялось его периодическое сонное состояние.

В итоге почти весь урожай острова уходил на пойло для «воинов». Единственное, что доставалось рядовым, – скорлупа и изредка стружка.

«Воины», как уже понял Макс, – это высшая каста островитян. Они защищали поселок; охраняли сон обитателей от диксов; патрулировали рифы возле ближнего буя, встречая новичков. Правда, делали это не слишком эффективно – Макса вот не заметили. Всех прибывших помещали в карантин – глубокую яму с решеткой наверху. Если за сутки человек не превращался в безумное животное, его выпускали, принимая в общество. Переродившихся в диксов убивали отравленными деревянными копьями, тела выбрасывали в море.

Больше воины ничем не занимались, если не считать работой лежание на спине в холодке кондиционированного древнего помещения и вечерние пьянки.

Ну и за низшими кастами присматривали, осуществляя контролирующие функции: бездельничать никому не позволяли.

Кастой, приближенной к воинам, были «мастера». Это те ребята, которые умели делать что-то очень полезное для всех. Плести корзины и циновки; изготавливать ловушки на кра-

бов, омаров и лангустов; делать матрасы из койра¹ и «липучки» и прочее-прочее. Умельцев уважали, им не назначали норм, не шпыняли по поводу и без, но в привилегиях с воинами они и близко не стояли – никаких пьянок, никакого безделья сутками, агрессивное поведение в сторону девушек тоже не приветствовалось.

Низшей, самой многочисленной, кастой являлись работяги. Их еще почему-то называли «мужики» или, совсем уж пренебрежительно, «насекомые». Возможно, по ассоциации с трудолюбивыми муравьями.

Не все из работяг были трудолюбивы, но выбора им не оставляли – на них держалось снабжение общества абсолютно всем. Прежде всего продовольствием: самые младшие или неумехи целыми днями бродили по мелководью, собирая моллюсков. Те, которые пошустрее, занимались ловушками на ракообразных, охотой на мелких осьминогов, ловлей рыбы. Самые продвинутые удалялись от острова на приличные расстояния в поисках новых охотничьих угодий; ловили материальные приветы с Земли, периодически падающие вблизи буя; устраивали экспедиции на Большой остров за какой-то травой, от которой воины приходили в восторг. Вероятно, наркотик.

Таким образом, внутри касты работяг существовало разделение на три группы. Неформально, конечно, но это было. Аналогично и у воинов: тот же Бизон на порядок выше Рыжего. У мастеров, естественно, тоже такое наблюдалось, хотя их и меньше всех.

Несколько особняком стояли женщины. Точнее, девушки – великовозрастных среди них не было: все та же проблема с неприглядными последствиями трясучки. Их условно можно было отнести к отдельной касте. Хотя большинство из них работало немногим меньше мужской половины, все без исключения являлись чьей-то собственностью. В одиночку новеньким если и позволяли жить, то лишь совсем уж обделенным природой, да и то недолго – всегда находились желающие на любой, даже самый невзрачный товар.

Нет, никто никого не принуждал устраиваться парами, но если пьяный воин полезет на симпатичную новенькую, решившую, что ей здесь и в одиночку хорошо, то вмешиваться никто не станет: бесхозного имущества не бывает – бывает нераспределенное. Вот такая новенькая и попадает в категорию нераспределенного, а ничейным не грех попользоваться. Но если у нее кто-то есть, тогда неизбежны проблемы – чужое трогать запрещено. Единственное исключение – если забираешь у должника. Так что прежде чем обзаводиться подругой, желательно рассчитаться по старым счетам – иначе может случиться всякое.

Макс крепко усвоил: чужое имущество неприкосновенно. Даже кокосы на пальмах не сами по себе растут: заberi себе один – и потом станешь на один вечер боксерской грушей для Бизона. Учитывая его спортивное земное прошлое и бычью силу... Да ну их... эти орехи...

Жора был низшим из низших – рядовой работяга. Сборщик моллюсков и дровяных водорослей, носильщик камней для бесконечно наращиваемой баррикады, копатель выгребных ям и просто «подай-принеси». За два месяца он ни на миллиметр не продвинулся выше, но почему-то не сомневался, что у него еще все впереди. Жора фонтанировал идеями, проектами, замыслами. Но, как понял Макс, руки у него росли не из того места – до успешной реализации дело не доходило. Попытавшись выбиться в мастера, тот потратил кучу времени на какие-то фантастически уловистые западни для морских обитателей, но в итоге погряз в бесполезных недоделках. Решив научиться нырять поглубже, чтобы доставать самые жирные трофеи, так ничего и не добился. В экспедиции его тоже не любили брать по причине subtilности – он не мог тащить много груза, а хваленая выносливость там не очень котирировалась.

¹ Койр – кокосовое волокно.

* * *

Подняв тему своих проектов, Жора больше с нее не слезал, и в итоге Макс перестал прислушиваться к его однообразной болтовне. Думал о своем и поглядывал по сторонам, стараясь примечать все. Придется вживаться в местное общество – для этого надо понимать, чем оно живет.

Макс, удивляясь сам себе, хладнокровно запоминал имена и прозвища встреченных обитателей острова, тропинки, по которым водил его Жора, знакомя с окрестностями. Рассматривал моллюсков в корзинах встретившихся добытчиков, запоминал разговоры других ребят о тонкостях заготовки дровяной водоросли и установки плетеных ловушек для рыбы.

Когда солнце склонилось к горизонту, Жора повел его к поселку, пояснив, что они уже почти весь остров обошли, а в остальных местах Максу делать нечего. Тот только рад был – от всего перенесенного так и не оклемался: колотило, слабость накатывала, ноги будто ватой набили. Еще и чесотка достала от липучки. Устал он таскаться за неугомонным соседом.

Вечером Макса наконец накормили. Толстуха-раздатчица в столовой, устроенной под большим навесом, сунула ему две плоские ракушки размером с растопыренную ладонь каждая. В одной возвышалась горка каких-то сизых комков, в другой – неаппетитная зеленая масса. Ложек и вилок не дали. Жора любезно пояснил, что в первой вареные моллюски, а во второй рубленые съедобные водоросли вперемешку с измельченным мясом осьминогов и крупных крабов.

И то и другое было, если откровенно, не слишком вкусным, но Макс не привередничал – аппетит проснулся зверский. Жора, глядя, как быстро приятель работает руками, предложил поделиться своей порцией, но он отказался.

Напрягает забота Жоры – на Земле они никогда не были друзьями. Так... соседи.

Не стоит здесь в лишние долги забираться – это он уже понял.

* * *

Ночевал Макс в яме, накрытой переплетенными пальмовыми листьями, обмазанными липучкой. Кроме него и Жоры здесь расположились еще два неразговорчивых мальчика лет пятнадцати. Беседы после отбоя в «нищей» части поселка не поощрялись, и соседу пришлось наконец заткнуться – достал уже своими грандиозными идеями.

Вот теперь можно и подумать. Хоть немного.

Макс нашел воду, людей и еду – это хорошо. Были и плохие новости – о Земле, похоже, придется забыть. Это точно не она. Если даже не обращать внимания на то, что творится в небесах, все равно понятно: далеко его от нее закинуло. Нет на Земле таких коралловых рифов, чтобы по два года десятки и сотни ребят там жили, никого не встретив. И ничего не увидев за это время: ни самолетов, ни кораблей. Говорят, спутники здесь в небесах летают, но не факт, что они искусственные, – возможно, мелкие луны.

Пути назад никто не знает – очень может быть, что его вообще нет. Светляков здесь никогда не видели, а другие способы перемещения между планетами неизвестны.

Были и другие минусы. К примеру, Макс угодил на самую низшую ступеньку здешнего общества. Но ничего – могло быть и хуже. Например, мог стать рабом – спасибо, что такое здесь не практикуется.

И огромное спасибо, что он родился мальчиком.

Ситуация с девушками ему не нравилась, но он был неглуп для своего возраста и понимал, что помимо минусов есть и плюсы. В обществе, где двадцать семь лет – это очень много, наличие свободных женщин – потенциальная угроза: конфликты вокруг них неизбежны. Их

так или иначе не избежать, но при «хозяйственном отношении» проблем, вероятно, должно быть меньше. Молодежь – она ведь такая...

И еще он понял: если удастся найти Леру, то надо к этому подготовиться заранее. При местных законах он может ее легко потерять. Она красивая – многим понравится. А он здесь никто – еще жить не начал, а уже в должниках. Что будет, если Рыжий ее действительно себе потребует? Макс ведь просто пловец. Как и многие в его родном городе, он ходил одно время на занятия к старому Ю, про которого поговаривали, что он великий мастер секретного кун-фу, сбежавший в Россию от преследования коммунистических властей и врагов из конкурирующих школ. Но когда «дрыгоножество» начало мешать тренировкам по плаванию, Максиму пришлось сделать выбор не в пользу единоборств, так что до великих вершин добраться не успел. А потом семья и вовсе в Питер переехала – китайцы там тоже встречались, но предпочитали заниматься рыночной торговлей, а не спортом. Как, впрочем, и в Хабаровске – даже при большом наплыве азиатов такие оригиналы, как Ю, были исключением.

Нет, с подобным бугаем драться рискованно. Макс, конечно, тоже бугай еще тот, но Рыжий мало чем ему уступает и выглядит опасным бойцом. Если не поймает на хитрый прием или не стукнешь удачно, то попросту задавит напором – опыт драк у него наверняка немалый в отличие от Макса. И никто не станет вмешиваться – раз ты влез в долги и не можешь защитить свою женщину, то ее заберет тот, кто сможет.

Хотя если с палкой... Ю был непрактичным мастером и основной упор в занятиях делал на малополезном фехтовании. Там уже не грубая сила или напор важны – там у Макса кое-какие козыри будут.

О чем он вообще думает! Да кто ему позволит палкой калечить одного из местных вожаков?!

Ладно, до Леры, если она появится, время есть. Надо его потратить с пользой: хоть немного выбиться из низов; расплатиться с Рыжим; освоиться. В этом странном обществе рассчитывать надо только на себя. Его должны ценить. Хорошо бы в воины попасть или хотя бы к мастерам.

Ладно... будем думать.

Думать придется много. Ему ведь надо найти способ встретить Леру. Пока что он даже не представляет, как это можно сделать. Даже если сумеет обеспечить себя там водой, то это еще не все. Человек тонет быстро, а у дальнего буя, как он понял, площадь высадки приблизительно гектаров восемь – десять, если не больше.

Ладно, он подумает еще.

Теперь у него есть цель.

Глава 7

Прозвища – штука тонкая и не всегда безобидная. Вот и этого одногодка Макса называли Большим явно ради прикола. Росту в нем чуть побогаче, чем у карлика, правда, плечами природа не обидела. Коротышка этот был хмур, неразговорчив и держался всю дорогу будто на что-то сильно обижен. Макс пытался его разговорить, но тщетно – тот отделивался недовольным бурчанием или односложными невнятными ответами.

Общаться Макс напрашивался не по причине скуки, а с корыстными намерениями. Большой был «элитным муравьем» – занимался самой трудной и престижной работой. Вот и сейчас он вел Макса с Жорой на открытую им богатую «поляну» с дровяной водорослью. Этим его роль и ограничивалась: покажет – и уйдет, а им потом весь день там горбатиться.

Миновали пляж, затем песчаное мелководье. Дальше долго брели по неровному дну, обходя заросли кораллов, прежде чем добрались до почти сплошной вереницы рифов. Здесь Большой повернул налево, уверенно прыгая с камня на камень, добрался до заливчика, с трех сторон окруженного невысокой скальной стеной, и наконец снизошел до объяснения:

– Тут глубина метра три – четыре, и все дно в траве. Дергайте только самую толстую – мелкую и под островом заготовить можно. Малышню я сюда не поведу – дорога трудная для них. Так что сами сушить будете. Но только крупную! Чахлую даже не трогайте! Вас не за ней послали!

– Да поняли мы, не шуми, – отмахнулся Жора.

Большой, выполнив свою задачу, молча развернулся, зашагал обратно. Проводив его взглядом, Жора буркнул:

– Метр с кепкой, а строит из себя великана...

– В нашей низшей касте он в высшей подкасте.

– Что за каста? – не понял сосед.

– Это в Индии, и не только в Индии. Общество, разделенное на социальные группы по происхождению, называется кастовым. У каждой касты свои занятия.

– Умничаешь? Слушай, Макс, ты же вроде книжки читать любил?

– Ну...

– Может, рассказывать их сумеешь? Тут рассказчиков уважают.

– Это что – с долгом можно рассказами расплатиться?

– Что ты все о долге! Но если хорошо умеешь, то попробовать смысл есть. Здесь ведь скучно – всегда одно и то же. А хочется по вечерам чего-нибудь эдакого... Эн вон как начнет рассказывать, так даже собаки слушать начинают.

– Жор, от того, что мы здесь треплемся, водоросли сами собой не появятся.

– Да успеем мы. Чего жилы рвать! На дровяке всем все пофигу – сколько его ни надергай, пайку не прибавят. Отстойная работа.

– Ты объясни, что делать надо.

– Да тут ничего сложного. – Жора указал на воду. – Вон видишь, на дне что-то вроде кукурузы растет?

– Вижу.

– Это и есть дровяная водоросль, или попросту дровяк. Она вот такие спокойные места любит, чтобы без течения сильного. Стебель у нее прочный, но корень слабо сидит. Наша задача: нырнуть на дно, ухватиться, выдернуть ее, вытащить наверх. Потом бросаем на любой камень, а как немного накопится, так выбираемся на рифы и раскладываем на солнечных местах, чтобы высохало.

– А ветром ее не унесет?

– Не-э-э: листья у нее липкие – к камням при сушке приклеиваются. Когда забираешь, они отрываются, и только стебель в руках остается. Вот он на дрова идет хорошо. А листья нам и не нужны. У мелкой их хоть слопать можно, а у такой вкус отвратный – никуда не годятся.

– Ну и воняет же от костра с такими дровами...

– Ага. Как в аптеке духан. Эн говорит, это оттого, что в них йода много. Горят плохо, воняют сильно, дымят, прогорают быстро, но куда деваться – надо заготовливать. Кусты только для важного дела трогают – никому не охота в пустыне остаться.

Макс скатал рубашку и брюки, запихал их в расселину меж камней, сверху положил шлепки. Оглядев залив, заметил, что в сторону выхода глубина заметно увеличивается и ценной водоросли там растет даже больше, чем возле рифов.

– Жор, глянь: там, дальше, и травы больше, и она крупнее.

– Ну и что нам с этого? Там глубина с трехэтажку.

– Я, пожалуй, смог бы достать. Там метров семь-восемь.

– Там не просто достать – там еще выдернуть надо. А такая здоровая цепляется за дно как репей к волосам. Так что ну ее на фиг. И ты это, Макс, по сторонам поглядывай.

– Акулы?

– Да они здесь нечасто бывают, а в такие места вообще редко заглядывают. Но вот в заливах заросших шуки любят в траве сидеть.

– Шуки? А чего их бояться?

– Да их просто назвали так. Вовсе не шуки это. Рыбы такие. Не акулы, а вроде щук. Похожи даже на них: пятнистые и длинные. Зубы, само собой, острые. Мы им неинтересны, но, бывает, кидаются сослепу. Ухватят челюстями – и тут же отпускают: понимают, что ошибка вышла. Вот только тебе от этого легче не будет – зубы у них что кинжалы. Если выживешь, то повезло, значит. Почти у меня на глазах один наш попался с месяц назад. Вот в таком вот заливчике она его цапнула. Сразу отпустила, да только он даже не пошевелился – камнем на дно ушел. Утонул. Или сердце от страха разорвалось, или сознание потерял от боли. И кроме щук бывает разное – спруты, змеи морские, мурены. Мы тут даже всего не знаем, сам понимаешь. Лучше не позволяй к себе ничему подплывать. Даже мелким рыбам. Здесь есть, к примеру, такие: на маленького ежика с плавниками похожи. Любят на дне сидеть. Рукой заденешь и потом орать часа три будешь, а на следующий день ладонь распухнет как боксерская перчатка. Или осьминог попадает – мелкий совсем, цвета оранжевого или желтого. Он опаснее шуки или акулы: если дотронешься до него, то сразу паралич всего наступит. Спасти можно, только если долго и нудно делать искусственное дыхание, но даже это не всегда помогает. Эн говорил, что, может, и массаж сердца нужен. Не знаю – никто еще не пробовал. Вообще, опасайся всего яркого – чем ярче тварь, тем больше от нее гадостей. Так что на дне аккуратно, особенно там, где кораллов много или расселины темные, трещины разные. Любит там разная живность сидеть. Ну что, пошли?

Краткий «инструктаж по технике безопасности» серьезно поумерил энтузиазм Макса, но деваться-то некуда:

– Пошли.

* * *

Первое «погружение» у Макса получилось неудачным. Набрав в грудь побольше воздуха, он резко перевернулся головой вниз, мощными рывками пошел ко дну и почти сразу в него уперся. Зрение обмануло – он рассчитывал метров на пять, а здесь едва четыре наберется. Маски не было, поэтому перед глазами все расплывалось – уже на расстоянии вытянутой руки было нелегко идентифицировать увиденное.

Заметив наконец подходящий, по его мнению, побег дровяной водоросли, Макс ухватился за его основание, потянул. Неудачно – крепко сидит. Ничего, мы не торопимся. У хороших пловцов и дыhalка хорошая – долго могут под водой продержаться.

Раскачав стебель, Макс выдернул его с корнем, пошел наверх. Вынырнув, одним залпом выпустил отработанный воздух, серией коротких вдохов-выдохов провентилировал легкие. Подплыл к рифу, зашвырнул на вершушку свой трофей.

Жора уже был здесь. Пр продемонстрировав Максу свою добычу, габаритами гораздо серьезнее, он назидательно заявил:

– Вот за такими нас послали. Не тягай мелочь – она даром не нужна. Ее под островом заготавливают – там таких сорняков на мелководье в заливах как грязи.

– Понял, – кивнул Макс. – Извини, с непривычки.

– Да ничего. Привыкай.

На второй попытке Макс был уже умнее – не стал хвататься за первый попавшийся побег, выбрал помястее. Помня, что корни сидят плотно, не растрчивал силы на «вытягивание репки» – расшатал, легко выдернул, пошел наверх.

Жора, оценив его добычу, благосклонно кивнул:

– То, что надо, – такие и бери.

На пятой попытке Макс, выдернув один стебель, не удержался от соблазна и взялся за второй. Глубина смешная, работать легко, запас времени есть. Лучше потратить десяток секунд – это все равно выйдет выгоднее, чем нырок лишний.

Жора, пристально контролируя действия товарища, только головой покачал, но ничего не сказал.

Так дальше и пошло: он таскал по одному стеблю, Макс поднимался с двумя.

Силы человеческие небеспредельны – как ни отдыхай на краю рифа, как ни вентилируй легкие, но постоянные задержки дыхания в сочетании с перепадами давления свое берут: Жора выдохся.

– Макс, – умоляюще произнес он при очередном всплытии. – Куда ты так торопишься? Давай передых сделаем. Сил больше нет.

Тот еще не устал – только во вкус вошел: как обычно бывает у опытных ныряльщиков, спустя приблизительно полчаса после начала серии частых погружений организм адаптируется к глубине и умеряет кислородный аппетит. Так что отдыхать рановато – самое время решаться на большее.

– Ладно. Ты выбирайся и туда иди – на край рифа.

– Зачем?

– Попробовать хочу кое-что. Помощь нужна твоя. Да не бойся, нырять не придется. Тебе не придется.

Дождавшись, когда Жора занял «позицию», попросил:

– Видишь, где глубина большая у выхода?

– Ну.

– Смотри внимательно – нет там ничего?

– В смысле?

– Ну на шум от нас не приплыли шуки эти или кто-нибудь еще?

– Шуку не разглядишь – они в засаде неподвижно среди травы стоят, сливаются с ней.

Трудно заметить.

– Тогда акул смотри.

– Да вроде тихо все. Ты что задумал?

– Хочу подводное дерево добыть. Жди.

Неспешно отплыв от рифа, Макс продышался, сделал хороший вдох, нырнул. На этот раз в дно не уткнулся – действительно глубоко. В ушах затрещало от перепада давления, и

пришлось сделать несколько глотательных движений, для компенсации. Даже без маски было видно, как вокруг него змеятся длинные листья дровяной водоросли и тянутся вверх колоннады толстых стеблей. Начал сомневаться – сумеет ли справиться с таким исполином? Те, которые они таскали возле рифов, были и впрямь не толще побегов зрелой кукурузы. Здесь совсем другое дело – двумя ладонями с трудом можно обхватить, а ведь это еще не основание.

Нет, все же основание! Дно!

С дыханием проблем еще не было, но позывы нарастали – организм был не прочь хапнуть кислорода. Слишком много сил ушло на погружение – надо было не лезть нахрапом, а найти камень и с ним нырять. Потом оставить и спокойно всплывать. И ласты не помешают...

Стебель пришлось раскачивать двумя руками – одной не обхватить. Поддавался он неохотно, и Макс уже было решил, что придется уходить ни с чем, но тут растение наконец сдалось. Выдрав корень, быстро пошел на всплытие, таща добычу за собой. Водоросль, вымахававшая на добрые пять-шесть метров, сильно отличалась от тех скромных побегов, что он заготавливал до этого, – инерция была велика. Тянуть такую тяжесть за собой было проблематично.

Чувствуя, что еще чуть-чуть и начнутся неприятности, Макс выпустил добычу, пробкой вылетел на поверхность. Серия коротких вдохов-выдохов, пара нормальных вдохов, теперь один глубокий – и назад, вниз. Успел: плавучесть у водоросли примерно нулевая, и она болталась примерно там же, где он с ней расстался. Вроде даже чуть выше поднялась.

Уже неспешно вынырнув, поплыл к рифу, буксируя трофей за собой. Жора поглядывал сверху чуть озадаченно, но тревоги не поднимал – акулы, похоже, это представление проигрывали.

Не дожидаясь возвращения Макса, товарищ скатился к воде, встретил, помог затащить добычу наверх. Помощь оказалась кстати – на суше растение стало неподъемным. Справившись, удивленно присвистнул:

– Ну, Макс!.. Ну ты дал!.. Да она же с пальму размером!

– Нас ведь за такими и посылали.

– Такие мы как раз не берем. Глубоко за ними нырять надо.

– А если на палку нож привязать и у корня подрезать? С плота это делать можно.

– Да у нас ножей порядочных нет вообще. Сюда ведь только то попадает, что в карманах бывает. Перочинные. Мелкие совсем. Но все равно ценные – не позволит никто ими на глубине ковыряться. Да и потрогай стебель – он будто арматурой набит и пружинит как резиновый. Пока влажный, его только пилой взять можно: сопротивляется, гад.

– Ну можно палкой раздвоенной по стеблю провести и разрыхлить дно у корня, а потом выдернуть за верхушку.

– Думаешь, самый умный? Макс, двое должны с плотом управляться, третий с палками возиться. Нелегко это. А у нас что? Нырнул – и готово. Мы вдвоем в пять раз больше заготовим, чем такая тройка. Никто ничего лучшего не придумал – наш способ самый нормальный.

Макс не сдавался:

– Вот скажи: чем больше водоросль, тем она ценнее?

– Ясное дело – жара больше дает, ведь только сердцевина на угли рассыпается. Она у нее плотная, если хорошо высушенная.

– Я вот на глаз прикинул: от этой водоросли, что с глубины притащил, толку больше, чем от десятка обычных стеблей.

– Даже покруче: я бы сказал, от пятнадцати – двадцати. Это минимум.

– Ты же знаешь, я пловец хороший. Давай буду один дергать с глубины, а ты уже занимайся сушкой. Хоть и тяжелые, но таскать сможешь – сперва один конец передвигаю, потом второй. И за морем следи хорошенько, акулу не прозевай.

– Да ну! Это что – мне самая легкая работа, получается?!

- За это не переживай – я тебя завалю травой морской. Будешь не успевать крутиться. Мы вдвоем этот стебель заносили, а тебе одному придется – запаришься быстро.
- Долго даже ты не выдержишься – устанешь. Плавание много сил забирает.
- Когда устану, начну отдыхать. А если тебе нечего будет делать, в это время будешь нырять за обычными стеблями.
- Ладно. Как хочешь. Давай попробуем.

* * *

Раз за разом Макс погружался на дно, возвращаясь на поверхность с очередным великаном-дровяком. Поначалу нырял с булыжниками, прихваченными с окрестных рифов, но они быстро закончились – свободно валяющиеся обломки в коралловом море встречались нечасто. Так что пришлось действовать как в первый раз: грести руками. Это сокращало время пребывания на дне, и не всегда он успевал выворотить стебель. Но в большинстве случаев погружался не попусту – скалы вокруг заливчика зазеленели от разложенных там и сям огромных водорослей.

Жора оказался прав: ныряние быстро утомляло. Хотя трясучка вроде бы оставила в покое, но бывшая форма к Максy еще не вернулась. Ему бы после перенесенного отлежаться пару дней, хорошо питаясь, да где там... Спасибо хоть, что солнечные ожоги больше не беспокоили – загадочная «липучка» и впрямь помогла. Ей бы запах приятнее сделать, и на Земле от нее отбоя не будет – любители позагорать такую чудо-мазь вагонами станут раскупать.

Эх, Земля... родители... брат... Всего третий день здесь, а вы уже кажетесь где-то бесконечно далеко, почти позабытые. Лера... Леру он ни за что не забудет. Но неизвестно, где она теперь. Для нее же будет лучше, если осталась там... дома...

А для Макса...

Даже сражаясь с непослушными корнями, он ухитрился терзать голову печальными мыслями. Но это не мешало ему поглядывать по сторонам. Громко сказано «по сторонам»: без маски или очков он уверенно мог рассмотреть все предметы на расстоянии лишь вытянутой руки, а дальше все уже слишком расплывалось. Только крупные объекты можно было опознавать безошибочно, да и то не все.

Протянув руку к основанию стебля, едва успел отдернуть – дно под ладонью внезапно ожило, взорвалось облачком мути, вдаль метнулось что-то бесформенное, пестрое. От неожиданности попятился назад, отчетливо вспомнил предупреждение Жоры: чем ярче морской обитатель, тем он, как правило, опаснее. Макс не знал, ядовито ли это неведомое создание, но бороться с корнями разом перехотелось – быстро пошел наверх.

Вынырнув, не увидел Жоры – тот обычно караулил всплытие на краю рифа, а сейчас там было пусто. Поплыв к скале, услышал сверху его истошный крик:

– Эй!!! Мы тут!!! Сюда-а-а-а-а!!!

После встречи с потенциально ядовитым обитателем морских глубин Макса все еще колотило: еще чуть-чуть – и рукой бы до неведомой твари дотронулся. А еще кислородное голодание сказывалось. Поэтому, наверное, в голове перемкнуло и он почему-то решил, что Жора увидел корабль или самолет, а теперь пытается привлечь внимание экипажа.

Поспешно взобравшись наверх, встал рядом с орущим Жорой, начал озиаться. Тщетно – горизонт пуст. Те же рифы, протоки, пятна мелководные, зеленеющий невдалеке остров. Ни кораблей, ни самолетов, ничего заслуживающего такого переполоха... Ну и глупец же он – забыл, куда попал! Не иначе как кислородное голодание начало сказываться, пора сделать перерыв.

– Жор, ты чего?!

Тот, умолкнув, пояснил:

– Да девка рядом кричит.

– Не понял?

– Чего непонятного?! Обед нам принесла! Ей объяснили, в какую сторону идти, но проводить не проводили. Вот и заблудилась.

Где-то неподалеку девичьим голосом прокричали:

– Эй! Ну где вы! Сейчас назад все отнесу!

– Да здесь мы!!! Зде-э-э-э-эсь!!! – заорал Жора и начал размахивать над головой верхушкой стебля дровяка.

Из-за вереницы рифов показалась человеческая фигурка. Прижав ладонь козырьком ко лбу, Макс разглядел костлявую девчонку, бредущую к ним. Выцветший топик, самодельные шорты, изготовленные из брюк, за спиной покачивается корзина – вроде рюкзака приспособлена.

Если это действительно обед, то очень вовремя – на воде аппетит нагуливается быстро, а они здесь с утра.

«Костлявая» не обманула ожиданий: достав из корзины шесть кокосов с подставками, налепленными из все той же черной бурды, строго-настрого приказала посуду вымыть, крышки не потерять и вечером занести на кухню, после чего отправилась дальше. В корзине еще оставался груз – видимо, ей поручили накормить сразу несколько таких пар, как Жора с Максом.

* * *

В одном орехе оказалась густая похлебка из моллюсков, водорослей и разваренных мелких рыбешек, в другом – несколько печеных крабов, в третьем – вода. Через край хлеба варено, Макс пожаловался:

– Ложку бы.

– Ничего, быстро привыкнешь, – жизнерадостно предрек Жора.

– Нет, не привыкну. Трудно, что ли, из дерева вырезать? Вон крышки ведь сделали для кокосов.

– Крышки не из дерева, а из скорлупы. Инструментов нет нормальных. Только ножички мелкие. Но их никто тебе не даст: они или у мастеров, или у воинов.

– Как плохо, что я не таскал ножа. А ведь дома был хороший, с кучей лезвий.

– Да ладно. Забей. У меня здесь поначалу был перочинник, а толку? Сменял.

– На что?!

– Да на жрачку – на что ж еще.

– Ну и дурак.

– Да не – я как раз умный. Все равно бы отобрали потом. Найти повод легко: норму не выполнил, накосячил где-нибудь, или просто подставят на игру и продаешь. Да ты сам дня через три-четыре выть начнешь – все время будет хотеться чего-нибудь заточить. Пайки тут смешные, хлеба и мяса вообще нет – нападёт на тебя хронический едун. Все будешь готов отдать за кусок лишний. Такое здесь у всех бывает. Потом проходит, но не совсем: маленько остается. Эн говорит, что это из-за резкой перемены рациона и акклиматизации. Витаминов не хватает и чего-то там еще – я не запомнил.

– Жаль. Будь нож, я бы ложку выточил.

– Да привыкнешь, не забивай голову. Так ты что, умеешь с деревом работать?

– Ложку сумел бы.

– А плести корзины можешь?

– Не.

– Жаль. Тема есть: верши делать – рыбу ловить. Рыбы очень мало ловится, ценится она у нас. Я пробовал на деревянный крючок и леску волосяную, да не вышло ничего, хотя и клевало.

Верши тоже пробовал, и тоже впустую. Наверное, из-за того, что нормальных прутьев мне не достать – только мастерам некоторым разрешено с кустов ломать ветки живые. И с Большого острова тоже только им прутья приносят – тростник и тонкий бамбук.

Поняв, что Жора собирается опять сесть на любимую тему о грандиозных нереализованных замыслах, Макс поспешно его перебил:

– А почему здесь кормят так слабо? Море ведь богатое: ракушек полно, крабов всяких, креветок. И без рыбы прожить можно.

– А толку? Ракушки не все съедобные – некоторые и свинья жрать не станет, а те, что годятся в котел, небесконечны. Два года их здесь всей толпой собирают – крупные давно вывели, одна мелочь осталась, да и ту пока наберешь, семь потов сойдет. Креветок не наловишь много – они у нас главный деликатес. Крабы не дурные: здоровенные на мелководе редко выбираются, а мелочь... Вон у тебя мелкие. Наешься такими? То-то... Крупных только ловушками берут. Туда еще, бывает, омары и лангусты попадают. Эн говорит, что не лангусты это, но нам так проще. Мясистые, заразы, и вкуснотища – очень выгодно таких ловить, да мало их очень. Вот и ценятся ребята, умеющие делать корзины: ловушки ведь тоже из прутьев плетут.

– Ну так надо наделать их побольше, и не будет проблем с едой.

– Умный ты очень. Думаешь, без тебя не догадались? Мастера наши поголовно криворукие – делают, как умеют. Обычно не очень прочно получается. Вот залезет туда краб, а потом мимо плывет что-нибудь размером с Анфиску. Видит оно краба этого – и что дальше? Ловушку в щепки, краба в хавальник. И все, была ловушка – и нет. А на нее труда сколько ушло и веток хороших. На наших кустах все кривое растет – очень трудно подходящий материал найти. За хорошим надо экспедиции посылать на Большой остров, а дело это стремное. Могут вообще все пропасть, если не повезет. Из-за палок вшивых поубивают.

– Диксы?

– Ага. Там у них самая главная тусовка. Вода пресная, наверное, нравится. И еще можно на чужую экспедицию нарваться. На тех же готов. Те без разговоров прибудут и фамилию не спросят.

– Готы тоже туда ходят?

– Туда все ходят. Там прутья хорошие для ловушек и корзин. Ягоды есть съедобные и фрукты. Трава для кайфа. Бамбук для копий. Кокосами весь берег завален. Тритона маленького если подловить получится, так и мясо будет. У нас с мясом вообще почти ноль: только собачатина, да и той даже старшим не хватает. Редко-редко черепахи попадают – тоже тема хорошая.

– Собаки с Земли?

– А откуда им еще взяться? Они чаще, чем люди, выживают, когда сюда кидают: плавают хорошо и нюх отличный – чувствуют, в какой стороне жилье. Часто издалека приходят, судя по их виду – таким сколько воды ни дай, все мало. Человеку гораздо труднее поселок найти, если на дальний буй кинет. Тебе просто повезло. Причем крупно. Бывает еще, котлов бросает, но их сразу съедают. Собаки хоть сторожат поселок, а от кошаков пользы вообще никакой. Даже мышей они не ловят – не водятся здесь мыши. Какой смысл тогда их кормить? Хотя я бы кормил, если б мог: жалко ведь пушистых.

– Как-то не пойму ничего... Остров большой, море теплое, богатое... и впроголодь жить...

– А как ты думал?! Остров... Ну и толку от того, что он большой? Огородов у нас нет, живности, кроме собак, тоже. Даже крысы и ящерицы здесь не водятся. Только птицы есть съедобные, но их мало, и размер с воробья. И не такой уж остров большой – Эн говорит, что в нем немногим больше квадратного километра. Песок, трава, кусты и шестьдесят две кокосовые пальмы. Теперь дальше смотри: нас, допустим, сто пятьдесят человек. Из них двенадцать старших, которые едой не занимаются, – мы их всем обеспечиваем. При старших ошивается

десяток змеюк вроде Ленки – таких палкой на серьезную работу не выгонишь, да и кто рискнет выгонять? Кому охота на кулаки нарываться? Старшие сами решают, кто и как работает, в эти дела нам лезть нельзя. Возьмут и отметелят за наезд на чужую девку. Считай дальше: детей возрастом меньше семи лет у нас девять человек вроде. Редко таких спасти успевают, но бывает. Еще четыре совсем мелких – уже здесь родились, груднички. Они быстрее умирают, чем рождаются, но сейчас четыре есть. Еще инвалидов четверо: кто от Анфиски пострадал, кто еще от чего. Кое-какая польза от них тоже бывает – мастерят по мелочи, но это так... Вот сложи все: получится, что из ста пятидесяти человек почти сорок абсолютно ничего полезного не делают, а кормить их надо. Из остальных еще столько же младше десяти лет, но старше семи, – от таких толку с гулькиной нос. Более-менее есть польза от ребят, которым хотя бы двенадцать исполнилось, но таких остается человек сорок – пятьдесят. Еще вычти тройку мастеров, которые в море нечасто выбираются: у них в поселке занятия есть. Вот оставшиеся и кормят всю нашу ораву – в основном это дело на них. Все понял?

– Понял. Но все равно не верится, что море не может всех накормить. Ты посмотри: оно до горизонта тянется. Бесконечное... В нем ведь всего навалом. Куда ни глянь, или рыбешку, или креветку увидишь.

– Опять ты про это... Ведь целых два года вокруг острова все подчистую выметают. Вылови на мелководье всех ракушек – они не скоро там появятся. И вообще... – Жора вдруг стал озадаченным, как будто уловил очень интересную мысль. – Макс! Знаешь!.. Макс, а ведь нас бы уже человек пятьсот было, если б не это!

– Ты о чем?

– Да о том! Вот смотри: два года уже вокруг острова забирают все съедобное из доступных мест. Так?

– Ну наверное...

– Когда еды становится мало, начинают посылать народ подальше от берега. Уже в неудобные места. Вот как нас сейчас. Так?

– Тебе виднее.

– Чем дальше, тем опаснее: места незнакомые, глубины большие. Где глубины большие, там и акул больше, и не только их. Ребята погибать начинают, приходится на сбор посылать девок, а среди них туповатых хватает – они еще чаще гибнут. Нормальной еды все меньше и меньше, приходится на водоросли больше налегать, которых везде полно. Но желудок ведь не обманешь травой? От голодухи дети начинают болеть и умирать. Вот и получается: новички к нам попадают часто; младенцев только при мне семеро родилось; а как было нас два месяца назад сто пятьдесят, так и осталось. Ну плюс-минус два-три.

– Глупо живете... Такое богатое море – и голодаете...

– Ты и сам теперь здесь живешь, значит, такой же.

– Я всего второй день.

– Поначалу я тоже думал, что горы сверну. И что? Старшим все по фигу – они от голода не опухнут никогда. И вообще всем все по фигу: день прожить бы, а дальше еще как-нибудь. Отупение у народа от всего, что произошло. Нас, как рыбок из аквариума, выкинули на ковер – и барахтайся теперь как хочешь. Инструментов нет. Семян нет. Материалов никаких нет. Здесь даже камней приличных не найти: одни кораллы окаменевшие, рыхлые. Они ни на что не годятся – в них можно пальцем дыры сверлить. Остаются кусты кривые и сухие пальмовые листья. Сами пальмы рубить нельзя – они кокосы дают. Все бревна, которые ты видел, это от упавших или притащили с маленьких островков, издали. Ну еще ракушек полно, но из них ничего путного не сделаешь.

– А кости? Разве дельфинов здесь нет? Или хотя бы от рыб крупных.

– Дельфинов вроде видели каких-то странных, но ловить не ловили. Редко они показываются и только в расселинах некоторых. Хотя костей разных тут до фига. В этом море даже

киты водятся. Ну или что-то размером с кита. Там, – Жора неопределенно махнул рукой. – Вынесло тушу одного на мель. Вон от него на километр – протухло жутко. Меня пару раз туда посылали – это мясо смердящее руками и ракушками в корзину набивал. Потом его в ловушки на крабов кладут. Работа хреновая, скажу тебе.

– Из костей много чего сделать можно.

– Не один ты такой умный. Делают. Остроги, на копыя наконечники. А больше путного ничего не получается. Ни камней нормальных, ничего – вообще голяк. Эн у нас все знает, так даже он не может металла добыть – говорит, что в здешних рифах его нет.

– Почему-то этого Эна все время вспоминают.

– Ага. Не человек, а голова ходячая.

Допив остатки воды, Жора с сожалением покосился на пустой кокос и предложил:

– Давай часок-другой покемарим в тенечке, а потом опять за дело.

– Да я не устал.

– Здесь всегда так делают. В обед самая жара. Тебе-то хорошо – ты в воде все время, а я тут сварюсь, на этой коралловой сковородке. Сиеста у нас законная.

– Давай сперва посуду вымоем.

– На хрена? Не слушай ты этих девок, а то на шее кататься начнут. Это их работа. Да и как здесь отмоешь, если песка нет? Забей. Ну что, товарищи подводные лесорубы, не пойти ли нам покемарить маленько вон под тем удобным рифом? А потом с новыми силами за работу.

* * *

Солнце склонялось к горизонту, когда наконец вернулся Большой. К тому времени даже Макс вымотался до звона в ушах и тряски в ослабевших коленках – частые глубокие погружения и длительные задержки дыхания до добра не доводят. Мышцы будто ватой заменили, перед глазами все расплывается. Мог бы и бережнее к себе относиться, но нельзя – с самого первого дня надо показывать: он не рохля, он может быть очень полезным или даже незаменимым. Слова здесь ничего не стоят – как себя ни нахваливай, смотрят только по делам. Судьба Жоры, погрязшего в мечтах и вместо шагов по их осуществлению ищущего малейшую возможность увильнуть от дела, его не устраивала.

Макс на Земле лодырем не был и здесь не будет.

Большой, оценив масштабы выполненной работы, не сумел скрыть удивления. И даже снизошел до короткого разговора:

– Жорик? Ты же вроде нырять не умеешь – как доставал такие?

– Да я так – только Максу помогал, – честно ответил приятель.

– А... Ну ладно... Давайте назад топайте.

– Завтра опять сюда? – уточнил Жора.

– Куда скажут, туда и пойдешь. Откуда мне знать.

Проглотив невкусную пайку, Макс завалился как подрубленный. Никаких размышлений перед сном – отключился мгновенно.

Глава 8

Утром после завтрака, столь же уныло однообразного, началось распределение на работу. Большая часть трудяг и без указаний знала, куда и зачем идти, – эти расходились молча. Такие «разнорабочие», как Макс и Жора, ждали приговора старших.

Большой к ним не торопился – коротко переговорил с парой подростков, увел их за собой. Макс уже было решил, что про них забыли, но тут подошел Рыжий, вальяжно заговорил:

– Жорик, ну как мой должничок держится?

– Да вроде нормально все.

– Смотри, учи его по-человечески. Старайся. Говорят, он ныряет хорошо и глубоко – нам такие «ихтиандры» пригодятся. Эй, пловец, по работе еще не соскучился?

– Можно и поработать, – вежливо ответил Макс.

– Не можно, а нужно! Мы вот подумали: раз ты такой пловец замечательный, то сегодня дадим тебе возможность проявить себя в великом деле – сборе ценных морепродуктов. А именно – ракушек. Жорик, не смотри на меня с таким огромным счастьем в каждом глазу. На детскую работу никто вас ставить не собирался – мелочовку по пляжам без вас малышня насобирает. Пойдете к тем рифам, где вчера были. Там на глубинах будете искать. Все скалы осмотрите подробно, как разворот «Плейбоя». Если мидий насобираете, получите по огромной дырке от бублика. Премия такая. И заодно дровяк постережете, чтобы его не украл никто. Гы-гы-гы! Как вечером назад пойдете, так прихватите по охалке, а то слишком весело будет возвращаться с пустыми руками. Задачу осознали?

– Нам корзину надо под ракушки, – попросил Жора.

– Может, тебе еще чемодан фанерный? Сгоняй на кухню, возьми и бегом в море!

– И скажи, чтобы к нам Надьку с обедом послали, как вчера, а то пришлют дуру тупую – и не найдет нас.

– Бегом, сказано! Без тебя разберемся, кого, куда и во что посылать.

* * *

Макс по пути начал расспрашивать о специфике предстоящей работы:

– Жора, ты уже это делал? Как там?

– Да все так же, только хуже гораздо. Ныряешь на дно и осматриваешься внимательно. Как увидишь ракушку, то хватай ее и мне наверху показывай. Если съедобная, то в корзину, если нет – то все равно в корзину: собак тоже подкармливать надо.

– А чем работа хуже?

– А много чем. Ракушки – дело странное: в одном месте их прилично может быть, а в другом вообще пусто или одни несъедобные попадают. Если повезет, можно набрать полную корзину, а то и больше, а если нет, то пустым вернешься, как Рыжий намекал... урод. А хуже не бывает, когда без ничего возвращаешься: ругают за это старшие и пайку могут урезать. Еще плохо, что на дне всякое может попасться. Допустим, увидишь что-то на раковину похожее, потянешься за ней, а там рыба-колючка спряталась. Как шарахнет – и будешь ты неделю потом пластом валяться, слезы пуская от боли. Осторожнее надо.

– Про осторожность и так понятно. А что он насчет мидий говорил?

– Ракушка такая, похожая на земных мидий, потому так же назвали. Они черные бывают, серые, редко – белые. Живут на камнях, прикрепляясь к ним. И самое главное – чаще всего если одну нашел, то рядом их еще много будет. Бывает так много, что вся скала облеплена. Вкусные они, ценятся очень. Удача большая найти такую полянку. Хотя бывает и покруче

удача. Большой когда-то нашел завитушку такую огромную, что вдвоем ее тащили в поселок. Килограммов, наверное, тридцать в ней было.

– Завитушка?

– Ну мы не ботаники – как умеем, так и называем. Крученая раковина с широким входом – таких тут много бывает, но завитушка самая огромная. Бывает еще королевская мидия: двустворчатая, ползает по дну, тоже здоровая. Иногда килограммов на пять – десять попадает. Но завитушка гораздо круче по размеру.

– И где таких гигантов можно найти?

– Да где угодно. Только на мели их не встретить – глубину любят. Я думаю, на глубине метров тридцать их вообще полно. Только как там достанешь – даже ты не донырнешь туда.

– Маску или хотя бы очки, ласты, груз – достану.

– Гонишь!

– Мировой рекорд погружения без акваланга даже у женщин давно уже за сто метров перешагнул. Ама, японские ныряльщицы за жемчугом, работают на глубинах пятнадцать – тридцать метров. Десятки и сотни погружений в день делают, тоже без акваланга. Мне, конечно, далеко до их рекордов, но тридцать, может, и рискнул бы разик-другой – чем я хуже японок? Одно время увлекался глубиной – знаю, что и как там надо делать.

– Уверен, что на тридцать достанешь?

– Если честно, то нет. Но попробовал бы. С грузом это не так уж сложно, если не профан.

– Эх!.. Груз еще ладно, найти можно, а вот ласты-маски – это просто пипец! Ну где их взять?!

– Двадцать пять метров под водой я спокойно проплываю. И гораздо больше могу – пытался семьдесят пять сделать, но тренер на полусотне остановил и отругал. Но это не в глубину, а в длину. В глубину не пробовал – негде было. А здесь страшновато пробовать – с этими акулами и шуками.

– Акул мало здесь. Хотя нам и одной Анфисы хватает.

– Так это одна и та же акула или разновидность так называете?

– Одна и та же... сволочь. Взяла и поселилась в проливе возле буя. Там ведь часто народ падает, вот ей и понравилось. Она уже столько людей небось слопала – не сосчитать. Акула-людоед.

– Почему не убьете?

– Смеешься? В ней метров семь длины и пасть что двери у шкафа. Чем ты ее? Ножичком перочинным?

– Так копыа есть.

– Деревянные и костяные. С плота ее несколько раз ими били, да только без толку – шкура у нее как резиновая. Наконечники ядом осьминожьим смазали, но не помогло – не смогли пробить. Даже поцарапать не получилось. А когда она чуть плот не разнесла, перестали пробовать. Иглобрюха² ядовитого ей бросали, а она его жрать не стала. Приманки отравленные тоже не тронула. Так и живет Анфиска рядом с нами.

– Идиотизм... с какой-то рыбой не можете справиться...

– Вот сам и попробуй, если такой умный! Слышал, как в Красном море туристов акулы жрали? И никак их отвадить не получалось. И это при том, что там у народа все было – оружие разное, снаряжение водолазное, катера и корабли. А у нас что? Ничего нет! И вообще, от нее даже польза бывает: мелких акул от острова отвадила. Никого рядом с собой не терпит. Редко чужая появляется и надолго не задерживается – Анфиса не любит конкурентов. Да ты не бойся:

² **Иглобрюхне** (Tetraodontidae, *лат.*) – семейство рыб, многие из них ядовиты. Видовые названия представителей флоры и фауны, упоминаемые в тексте, не всегда корректны, как уже упоминалось выше, невежественные герои книги подбирают местным видам названия сообразно своей фантазии или их схожести с земными организмами.

от расселины она редко уходит и быстро назад возвращается. У нее любимое место возле буя, а мы сейчас в другой стороне.

– Видел я вашу Анфису позавчера, когда расселину переплывал.

– Да?! Тебе крупно повезло, что не напала!

– Да я успел раньше нее до рифа добраться. Чуть-чуть опередил – плаваю быстро.

– А... Ну все равно повезло. Когда светляк человека сюда кидает, у нее самое раздолье.

Я однажды слышал, как орал тип, который сюда попал. Сразу к ней в пасть. Бедолага...

– Погиб?

– Ага. Но не сразу. У нее привычка гадкая: отхватит кусок и бросает человека. Потом возвращается. Вот он и успел покричать. А толку? Плот побоялись посылать – все равно его уже не спасти, тем более что Анфиса, после того как нападет на кого-нибудь, злая становится. А плот у нас хлипкий – страшно, что разнесет.

* * *

До залива за разговорами добрались быстро. Жора, с высоты рифа осмотрев окрестности, заявил, что на спокойной воде делать нечего: в тех местах, где дровяка много, полезной живности, наоборот, мало. Тень от водорослей, наверное, не нравится. Зато по другую сторону гряды, там, где волны накатываются на камни, места более перспективные. Глубины не слишком большие, дно неоднородное: коралловая поросль, камни и ровные песчаные проплешины – то, что нужно.

Макс в вопросах ловли моллюсков был дилетантом, и ему ничего не оставалось, как согласиться с мнением опытного приятеля.

Первые погружения заставили в очередной раз пожалеть об отсутствии маски или очков. С ними в такой чистейшей воде обзор был бы великолепным, но...

Осторожно проплывая над дном, Макс жадно всматривался в каждый камешек, но тщетно: лишь пару пустых половинок двустворок достал. Еще и адреналин вырабатывался периодически – в смутном мареве, расстилавшемся за пределами области видимости, из-за отблесков от волн то и дело мерещилось угрожающее движение. Это не добавляло позитива.

Дровяк загатавливать на порядок комфортнее – там хоть с видимым смыслом рискуешь.

Но Макс не падал духом и на свою неумелость не пенял. Тем более что у Жоры успехи оказались не лучше – такие же нулевые.

В очередной раз вынырнув, Макс устало заявил:

– Здесь ничего нет. Никаких ракушек.

– Странно... место ведь вроде хорошее, – сокрушенно ответил сосед.

– Вот только ракушки об этом не знают. Надо другое искать.

– Большой рассказывал, что здесь ребята неплохо собирали.

– Давно?

– Да с месяц назад.

– Вот и собрали все – нам не осталось.

– Наверное...

– Давай перебираться. Вон дальше гряда рифов большая – там, наверное, тоже неглубоко.

– До нее топать далеко, а потом еще плыть придется!

– Ну и что?

– Так с корзиной...

– Я ее сам доволоку.

– А если добыча будет, то что? Как потом полную назад тащить?

– Вот если будет добыча, тогда и подумаем.

– И то верно – чего загадывать зря.

* * *

Новая рифовая гряда ничем не отличалась от старой, разве что не была завалена сохнувшими водорослями. Но Жора, забравшись на высокий камень, обрадовался:

– Макс! Там под водой гривка идет! Вон! Смотри, просвечивает! Узкая, но нам сойдет. Жаль, с той стороны этого не разглядели – даромплыли. До самого мелководья вернуться по ней можно будет. Правда, по шею в воде придется топтать... наверное. Но все ж лучше, чем плыть!

– Вот и нашелся способ перетащить назад полную корзину. Теперь дело за малым: осталось ее наполнить.

– Дно вроде ничего – пестрое. Перспективно это. И глубина не очень. Правда, дальше понижается. Хорошее место, можно попробовать. И ребята вряд ли здесь прошлись – не любят наши в такие капканы соваться.

– Капканы?

– Безопасного перехода нет на соседние рифы или пути посуху. Если акула приплывет, то окажешься от берега отрезанным. Разве что в отлив шансы останутся...

– Посидеть немного – и сама уплывет.

– Ага... Анфиса один раз такого хитрого неделю караулила.

– Странно, меня вроде не поджидала, хотя пацаны говорили другое. И что с ним стало?

– Да ничего. Спятил он от жажды и всего этого – сам в воду кинулся. Наши тогда как раз и пытались с плота ее прибить. Выручить хотели, прорывались к нему. Анфиса, хитрая тварюга, – не пустила их. После того случая плот переделали – укрепили серьезно.

– Хватит про нее вспоминать – накликаешь!

– Да главное не шуметь. На шум она сразу заявится. И если поранился, то работу прекращай сразу – кровь издали чувствует. Тут порезаться легко – кораллы, края раковин, выступы острые на скалах. Рассказывают, давно дело было: чувиха одна стирала на мели – зашла в воду по пояс. А у нее месячные были. По сторонам вообще не глядела – и попалась. Обычно акулы на такую глубину не заглядывают. Это как вообще можно было не заметить такую тушу?! У нее небось спина из воды выглядывала.

Макс, не обращая внимания на болтовню приятеля, огляделся, приметил подходящее местечко – заводь меж двух длинных рифов. Дно вроде ровное, поросли коралловой немного – ядовитым гадам в прятки играть нелегко будет. Нырнул.

Первая попытка прошла впустую, но он не огорчился – интуиция подсказывала, что здесь непременно что-нибудь попадется. Да и дно понравилось – действительно почти ровное: на таком даже без маски легко ориентироваться и подмечать каждую мелочь.

На второй попытке углядел широкую плоскую раковину. Ухватил, разочарованно отбросил в сторону – бесполезная половинка. Рядом похожая, стоящая вертикально. Есть! Обе створки на месте!

Поднявшись, подкинул в руке – приятная тяжесть подтвердила, что добыча не пустая.

– Жор! Гляди, что я нашел!

Товарищ, небрежно изучив ракушку, вынес вердикт:

– Монетка. Крупная, зараза.

– Монетка?

– Ага. Называем их так. У нее всегда одна сторона выпуклая, а вторая совсем плоская, будто монетка. Несимметрично устроена.

– Съедобная?

– Безвкусная, но есть можно. Там больше не было?

– Проверю.

– Они обычно по одной ползают, но мало ли. И под скалами осторожнее – не забывай, что если трещина или дыра темная, то ну ее на фиг.

– Ты прям как мамочка заботишься, – усмехнулся Макс.

– Без меня в стакане утонешь, – серьезно произнес Жора. – Я с другой стороны попробую проверить – там вроде местечко на вид ничего.

Нельзя сказать, чтобы Максуде удача повалила крупными порциями, но корзина начала потихоньку наполняться. Главным образом благодаря его усилиям: от Жоры фортуна отвернулась – его добыча была скудна и скромна габаритами. Макс подозревал, что дело здесь в глубине работ: приятель пловец неважный и выбирал места помельче. А он все, что не доставало до четырех метров, за море не считал – отсюда и увесистость результатов.

Если подумать, ведь профессионалов-подводников в поселке нет. Возможно, круче Макса здесь пловцов не имеется. Хотя... Раз есть ребята, которые два года живут в море, день за днем из воды не выбираясь, то, наверное, сравниться с ними будет нелегко. С другой стороны, они голые практики – у них не отработаны стили, они понятия не имеют о хитрых дыхательных упражнениях, их легкие не закалялись с раннего детства, раздуваясь вширь. Да и природных предпосылок к нырянию могло не быть, в отличие от Макса: плаванием он ведь не зря стал заниматься – талант заметил хороший тренер, высмотрев в толпе, резвящейся в бассейне, перспективного мальчишку.

Если предположить, что он здесь главный профи, то и главные бонусы от подводного собирательства должны доставаться именно ему. Это было бы замечательно: «карьерный» рост удачливому добытчику обеспечен. Для него это важно: без прочного положения в поселке не стоит и мечтать о Лере. Пока что у него вообще никакого положения нет – он низший из низших. Зато мыслит по-взрослому, на несколько шагов вперед. И физическими данными его природа не обделила. Ему повезло попасть в место, где именно качества пловца очень не мешают. Они уже в плюс пошли: после вчерашнего нелегкого дня его навыки оценили. Решили, что не стоит держать такого специалиста на банальном дровяке, нашли работу посolidнее.

Теперь надо продолжать в том же духе и на ракушках себя проявить, не подкачать. С другой стороны, минусов тоже хватает – работа ныряльщика опасна для жизни и вредна для здоровья. И без хищников до пенсии протянуть трудно: постоянные перепады давления и кислородное голодание на пользу не идут.

Но другого Макс не умеет, так что придется делать ставку на подводное плавание. Полезные навыки надо использовать на всю катушку.

Навыки боксера, пожалуй, тоже бы не помешали...

Такие мысли до добра не доведут: Макса потянуло на авантюру. Ракушки здесь, на глубинах четыре-пять метров, попадались хоть и не на каждом шагу, но регулярно. Вряд ли до вечера успеют набить полную корзину, но возвращаться в поселок будет не стыдно.

Макса потянуло на большее. Если отплыть чуть дальше от рифа, то дно начнет уступом понижаться. Сколько за тем уступом? Восемь метров? Девять? Десять? Вряд ли больше. За водорослями он нырял приблизительно на столько же. Долго на дне пробыть не сумеет – это минус. Но вдруг там все усеяно раковинами размером с тазик – только успевай хватать.

Такое соблазнительное предположение обязательно стоит проверить.

* * *

Вниз, к светлеющему вдали дну. Это не вчерашний залив, сплошь поросший гигантскими водорослями, – здесь все открыто и каждый камешек разглядеть можно. Эх... как же не хватает маски... Пусть совсем простенькой – хоть детской...

Пальцы коснулись волнистой песчаной поверхности. Сбоку всеми цветами пестреет коралловая колония – туда плыть не стоит. Ему бы что-нибудь не такое яркое... А чуть в сто-

роне что темнеет? Камень... А дальше?! Створка от раковины. Стайка серых рыбок пронесится перед носом – человека совершенно не боятся. Все, больше ждать нельзя. Воздуха хватить уже очень хочется, а до поверхности еще надо добраться.

Вынырнув, отдышался и пришел к выводу, что не все так плохо – нельзя надеяться с одной попытки стать олигархом. Место перспективное: если рядом, на мели, попадаются моллюски, то и здесь должны быть.

На второй попытке спугнул осьминога. Мелкий совсем, с перчатку размером, почти бесцветный. Удрал в расщелину меж камней и замер там, внимательно наблюдая за Максом. Возможно, впервые в жизни встретил человека.

Макс понятия не имел – съедобный он или ядовитый, да и не знал, как их ловить. Так что проигнорировал, продолжал обыскивать дно. И не зря: поднял увесистую витую раковину с выступами на краю. От Жоры он уже знал, что в пищу их употреблять не любят из-за жесткости и затхлого вкуса, но для собак сгодится. Размеры порадовали: самый крупный трофей на сегодня.

Вероятно, он был прав в своих предположениях: здесь живности явно больше и раковины крупнее.

Жора, увидев со своего мелководья, как Макс тащит к рифу добычу, закричал:

– И чего тебя вечно несет в глубину?! Давай ко мне! Я тут поднимать не успеваю!

Но Макс не соблазнился: он мечтал о великой добыче.

* * *

Мечты иногда сбываются – вот на этот раз Макс повезло. Он с переменным успехом нырял опять и опять, иногда вытаскивая достойные экземпляры, но чаще впустую или вылавливая стандартную мелочь. Корзина наполнялась, но это все не то – хотелось грандиозного свершения. Дело даже не в желании: ему надо постоянно выделяться из серой массы, если хочет добиться своей цели.

Достигнув дна в очередной раз, он оказался меж двух огромных коралловых колоний – причудливые побеги всех цветов радуги не хуже сигналов светофора предупреждали, что приближаться к ним нежелательно. От Жоры Макс уже знал, что прикосновение к некоторым разновидностям может вызвать очень болезненный ожог. Уже развернулся, чтобы привычно осмотреть ровный участок дна, но в сознании будто заноза засела: что-то не так; рядом с подводным рифом было странное; и почему-то он не понял этого сразу.

Подозревая, что если не проверит, то сам себе не простит, повернулся в прежнем направлении, осмотрелся. Все те же кораллы; стайка рыбок проплыла; на сером камне ползает причудливое существо, похожее на морскую звезду с десятком ножек; над соседним камнем белым парашютом зависла небольшая медуза.

Камень?! Какой-то он странный...

Придвинувшись поближе, Макс едва не выпустил воздух от изумления. То, что он издали, в мутном мареве плохо просматриваемой зоны, принял за бесполезный обломок погибшей коралловой колонии, оказалось огромной двустворчатой раковиной. Черная, будто мхом поросшая, около полуметра в длину.

От прикосновения моллюск моментально спрятался, захлопнув створки. Больше Макс ничего не успел – время поджимало. Всплыв, поспешно отдышался, вернулся на дно. Находка никуда не делась, да и не умеют эти создания двигаться быстро. Ухватил, с трудом пошел наверх – добыча увесистая оказалась.

Поднявшись, устало поплыл к рифу, выбрался, присел, посмотрел на гигантскую ракушку, улыбнулся, крикнул Жоре:

– Гляди, что у меня есть!

Тот, рассмотрев добычу Макса, охнул, рванул поспешно, с брызгами и шумом, позабыв про собственные наставления насчет работы в тишине. Забрался на скалу, уселся рядом, погладил ракушку:

– Ну ты дал! Королевская мидия! Ох и здоровенная! Я такой не видел никогда! Они даже мелкие редко попадаются, а уж такие...

– Съедобная?

– Ага. Вкуснотища причем. Почти как мясо. А створки на посуду идут – считай, пару приличных тазиков добыл.

– Как нам сегодня – норму засчитают?

– Корзину обычными ракушками больше половины набили. Считается, что в полной восемь килограммов, значит, пять точно есть. И в этой тоже не меньше пяти. Конечно, зачтут: минимальная норма – это три четверти корзины, около шести килограммов. А у нас, наверное, все десять. Может, часть заныкаем?

– Как это?

– Ну сделаем на мелководе ограду из камней, высыпем килограмма два туда, самых тихих. Если завтра опять пошлют на ракушки, то будет откуда взять, если норму недоберем. Я так часто делал с ребятами.

Подумав, Макс покачал головой – в его планы это не входило. Ему надо, чтобы видели, какой он умелый добытчик, а для этого надо если не рекорды ставить, то хотя бы работать лучше среднего.

Жору отказ не огорчил:

– Ну как хочешь, я тебе же лучше хотел. Сегодня у нас удачно получилось, а кто его знает, что завтра будет.

– Завтра пошлют в другое место, и расползутся эти ракушки по всему морю – твоя ограда их надолго не задержит.

– И так бывает, – согласился приятель. – Слушай, не знаю, как ты, а я вымотался сильно. Дело к вечеру идет, а нам еще топать далеко. Пайку почему-то не принесли – косяк за девками теперь. Кишки уже завывают, да и пить охота – придется вечером разборки устраивать. Давай вернемся к рифу, на котором одежду оставили. Там еще надо будет по охатке водорослей прихватить, Рыжий говорил. На солнце и ветерке она миглом сохнет – свяжем мокрыми стеблями, и легко нести будет. Давай я понесу корзину, а ты эту суперракушку. А потом уже разберемся, кто что к поселку потащит.

К рифу возвращались по шею в воде, а иной раз и рот захлестывало. Хотя под вечер волнение стихло, но абсолютно спокойным море не бывает: уровень то повышался, то понижался – возможно, это отголоски далеких валов океанического прибоя или следствие приливных течений. Шагать было неудобно: стоит не туда наступить, и с головой уйдешь.

Даже в таком некомфортном положении Жора не переставал болтать:

– Макс – это где же ты такую надыбал огромную?

– Да случайно. Возле коралловых зарослей ползала. Еле заметил. Думаю, на глубине они часто бывают, но попробуй разгляди без маски.

– Может, что-нибудь придумать вместо маски?

После слов соседа Макс и в самом деле призадумался, да так крепко, что едва не свалился, ступив в яму. Тут же по ушам резанул крик Жоры:

– Акула!!! Анфиса!!! Назад!!!

Макс, обернувшись, увидел страшное: успокоившуюся морскую гладь разрезал уже знакомый черный плавник. Он быстро приближался – рыба явно чуяла добычу и направлялась к ним не просто так.

Вспомнив рассказ про несчастного, сбрендившего от жажды на отрезанном от суши рифе, Макс ухватил за плечо уже дернувшегося назад Жору и заорал:

– Стоять!!! Вперед!!! Нельзя нам обратно!!! Бегом!!!

Жору можно было не подгонять – откуда только прыть взялась: помчался, позабыв про былую осторожность. Макс от него не отставал. Борясь с непреодолимым желанием обернуться, он забивал голову разной ерундой. То представлял, как потеряет шлепки и угодит в двойную кабалу; то перед глазами вставала картина, как нога застревает в трещине, кость ломается, протыкает мясо и кожу. В морскую воду устремляется поток крови, на который со всего моря собираются...

Нет, ему и одной Анфиски более чем достаточно!

Акула, наверное, уже рядом – за спиной пасть разезает! Нет! Жора потерял равновесие, но ухитрился удержаться на ногах, в отчаянном рывке достиг рифа, по-обезьяньи вскарабкался наверх. Макс ухитрился не отстать.

Внизу, почти вплотную к скале, разочарованно прошмыгнула акула. Не просто смутная тень – Макс ее до мельчайших деталей рассмотрел. Несимметричный хвост, уродливая выщерблина возле основания спинного плавника, смолисто-черное пятно на носу. Размеры впечатлили – от страха желудок до пяток провалился, вслед за спрятавшимся туда же сердцем.

– Видел?! – возбужденно выкрикнул Жора. – Чуть-чуть не подловила!!!

– Это Анфиса?!

– Ага. У нее плавник покалеченный. Эн говорит, потому она и не уходит: ей в других местах трудно добычу находить. А здесь сама в рот падает. Ну, Макс!.. Ну ты нас и завел!.. Больше я ни за что не пойду на дальние рифы за ракушками! Ну их в баню вместе с тобой!

– Сам шум поднял, вот и приплыла!

– Да ну! Что там того шума было! И вообще – на фига бежали?! А если бы не успели?!

– И что иначе?! Сидели бы на рифе до смерти?! Как тот пацан, которого она неделю караулила?!

– Его серьезная глубина окружала, а не такая, как здесь. Посидели бы до отлива и спокойно ушли потом. Оно, конечно, хреново, ждать столько и по темноте потом лазить, шарахаться от каждого шороха, но лучше уж так, чем ей в зубы.

Макс чуть по голове себя не стукнул. Вот же кретин! Как мог забыть?! Ведь знает прекрасно, что в отлив такая рыбина здесь не пройдет, но без Жоры даже не вспомнил!

– Погляди – назад к бую уходит... сволочь, – угрюмо произнес Жора. – Злая небось: не обломилось ничего. На мель она выбраться не может, так что поняла – нечего здесь ловить. Умная...

Выдержке Жоры можно позавидовать: невзрачный и далеко не храбрый сосед к факту рыбьей агрессии отнесся стоически, рассуждает здраво, говорит почти спокойно. А Макса колотит, будто голым на мороз выскочил. Четвертый день он в этом море – и уже два раза ухитрился повстречаться с акулой. Причем с одной и той же.

Злясь на самого себя за постыдную трусость, поднялся, отчаянным усилием воли унял дрожь, поглядел вслед удаляющейся акуле. Когда-нибудь она заплатит за этот страх и вообще за все то, что ему противно в этом месте. Человек не должен быть слабее безмозглых рыб: это неправильно.

Глава 9

Рыжий, увидев в руке Макса гигантскую ракушку, позабыл даже корзину проверить, хотя направлялся к Жоре именно для этого. Присвистнув, со странной интонацией уточнил:

– Ты достал?

– Да.

– Глубоко нырял или повезло на мели найти?

– Наверное, глубоко: Жоре там не достать.

– Значит, умеешь, если захочешь; видать, и правда не врал, что пловец не последний. Завтра чтобы три таких принес. – Добавив это, Рыжий хохотнул, радуясь собственному остроумию.

– Ласты и маску дай – тогда принесу, – выдвинул Макс встречное требование.

– И все? Акваланг тебе не нужен с батискафом?!

– Можно. – Макс не стал скромничать. – У меня, кстати, мысль есть насчет маски и ласт.

Их, думаю, сделать можно.

– Ты, что ли, сделаешь?

– Помощь нужна. Идея есть хорошая.

– Идея у него... Здесь у всех идеи, а вот работать никто не хочет...

– Будь у меня маска и ласты, я бы смог нырять очень глубоко и добывать много таких раковин. Всем от этого лучше будет.

Призадумавшись, Рыжий спросил:

– На сколько секунд ты можешь дыхание задерживать?

Макс пожал плечами:

– Если дома, лежа на диване, то очень много. А в воде, работая руками и ногами... Не знаю даже, но прилично. Там ведь не в задержке дыхания главный вопрос – там много тонкостей.

– Он долго может под водой плавать, – влез Жора. – Доставал ракушки в таких местах, где дно еле видно.

Рыжий задумался еще сильнее, даже затылок почесал для усиления процесса мышления. Наконец нехотя кивнул:

– Если не гонишь и путная мысль есть, то с Эном поговори. Похавай и беги к нему. Скажешь, что я послал.

– Нам обед не принесли сегодня, – наябедничал Жора.

Повернувшись к толстухе-раздатчице, Рыжий уточнил:

– Кто этим оглодам должен был хавчик принести? Настя?

– Вроде Танюха – Настю куда сегодня не посылали: у нее большой палец загноился на ноге.

– Хитрость у нее воспалилась, – буркнул Рыжий и добавил: – Тогда этим и за обед, и за ужин выдай. И даже сверху плесни маленько. Они сегодня заработали... стахановцы. И где Танюха? К этой толстозадой вопрос есть.

* * *

Личность Эна уже начала Макса интриговать – его поминали по поводу и без, но обычно в ситуациях, где надо было сослаться на чей-то непререкаемый авторитет. Опыт спортивных лагерей подсказывал, что если имеется агрессивный бугай, да еще и с компашкой, решивший всем показать, что круче него здесь никого не существует, то обычно показать удастся – лишь

бы при этом не нарваться на силу посерьезнее или на какие-нибудь форс-мажорные обстоятельства.

Если здесь имеет место нечто подобное и роль бугая играет Бизон, то почему его прозвище вспоминают гораздо реже, чем Эна? Непорядок – все должно быть наоборот, иначе нет у него настоящего авторитета.

Может, Макс и ошибался в своих предположениях, но все равно дело явно нечисто.

Но когда он увидел Эна, то понял, что был слишком скромн в своих предположениях.

С Бизоном сталкиваться пока что не доводилось – тот или спал в недоступном простом смертнм холодке штаба, или делал вылазки на солнечный свет в отсутствие Макса. Но Бизон знал, что ему двадцать семь лет, и считал, что старше него здесь быть не может. Трясучка в исключительных случаях трогала тех, кому не исполнилось восемнадцать. Дальше появлялся небольшой риск превратиться в дикса. Начиная примерно с двадцати лет риск становился очень серьезным, а рубеж в двадцать четыре переходили редкие счастливчики, причем для них это зачастую оканчивалось неприятными последствиями – возникали серьезные проблемы со здоровьем физическим и психическим.

Получается, подавляющая часть тех, кто достиг совершеннолетия, превращалась в человекоподобных безумных тварей.

Эну на вид было не меньше сорока пяти, а то и все пятьдесят. Высохший, но не изнеможенный, а жилистый и крепкий в кости. Обликом и телосложением похож на классического индейца – такими их в фильмах показывают. И одяние подходящее: двойной браслет из акульих клыков на руке, ожерелье из пестрых раковин на шее, жилетка из шнурков и ремешков со множеством открытых карманчиков, подобие юбки из размочаленных прядей явно самодельных веревочек, плетенные из жгутов застывшей «липучки» сандалии. На левой руке нет кисти, культя прикрыта черным колпачком из той же «липучки», из смолистой массы торчит тщательно оструганный деревянный крюк.

Эн обитал в маленькой аккуратной хижине позади «груши». От передней стены отходил крепкий навес, под ним стояли жердевой столик и две длинные лавки, тоже из жердей. На одной из них и сидел хозяин. Судя по сервировке – тем же кокосовым сосудам, – он ужинал. При этом использовал палочки, орудуя ими с ловкостью китайца.

Макс, опешив от внешнего вида Эна и его возраста, замер, не зная, что сказать. Тот, вероятно неправильно поняв причину его замешательства, спокойным, уверенным голосом, достойным вождя ирокезов, произнес:

– Юноша, если вы ко мне по делу, то присаживайтесь.

– Я подожду, пока вы поужинаете.

– Я уже поужинал. – Отставив опустошенный кокос в сторону, Эн облизал палочки, воткнул их в щель между камнями в стене хижины и добавил: – Если ваше дело требует времени, то проведем его за чашками с чаем. Это, конечно, не настоящий чай – я использую сбор местных трав. Учитывая их редкость и отсутствие выбора, вкус получился не слишком восхитительным. Увы, лишь я один пристрастился. В былые времена любил чай, и вот... Да вы присаживайтесь, присаживайтесь! Настя! Две чашки! Мне и моему гостю!

Устроившись на лавке, Макс с любопытством осмотрелся. Здесь было на что взглянуть: куда ни кинешь взгляд, везде натыкаешься на что-то интересное. На колышках, забитых в коралловую кладку, висело много чего: зубастые челюсти какой-то рыбы, ракетка для тенниса, огромная витая раковина, растрескавшийся череп непонятного создания и другие, не менее любопытные, вещи. Стол тоже не пустовал: по краям расставлены разной глубины чаши и блюда из ореховой скорлупы – их было несметное количество, и каждая посуда чем-нибудь наполнена. Он смог опознать лишь коралловую крошку, птичий помет и сушеные водоросли.

Все это смахивало на примитивную лабораторию мага-алхимика или обиталище индейского шамана.

Не заметить естественного интереса Макса было невозможно, но Эн не стал ничего пояснять и прямо спросил:

– Так что за дело вас ко мне привело?

Макс начал рассказывать:

– Меня Рыжий прислал. Дело в том, что я неплохой пловец и ныряльщик – на Земле серьезно спортом занимался. Сегодня попробовал собирать раковины на большой глубине и достал гигантскую королевскую мидию. Думаю, что там их еще немало, а нам нужна еда. Но мне очень трудно там работать – было бы гораздо проще с маской и ластами.

Макс замолчал, а Эн с иронией уточнил:

– Вам сказали, что маску и ласты можно взять у меня?

– Нет, конечно, я знаю, что у вас их не может быть. У меня есть идея, как их сделать, и, как я понял, вы можете в этом помочь.

– В таком случае озвучьте свою идею.

Макс снял шлепанец, показал на подошву:

– Видите эту черную массу? По свойствам похожа на резину. Нельзя ли из нее сделать ласты?

– В принципе можно, – не задумываясь ответил Эн. – Но есть проблема: материал слишком гибок, и ласты у вас получатся похожими на тряпки.

Покосившись на шлепанец, Макс возразил:

– Я бы не сказал, что он здесь на тряпку похож.

– Просто слой толстый и нанесен на основу. Но в ластах это не пройдет – слишком толстые делать нельзя: не будут гнуться, да и на дно вас утянут. Плотность у липучки, увы, приличная. Я уж не говорю о важности в изготовлении мелких деталей – у нас все слишком грубо выходит. Не хватает оборудования – почти все голыми руками делаем.

– Жаль, – огорчился Макс. – Я думал, получится.

– Не надо раньше времени отказываться от хорошей идеи. Я говорил, что именно ЭТОТ материал не подойдет. Но бородавочник – настоящая кладовая самых разнообразных веществ, свойства их очень разнятся, а добывать нетрудно. Это самая ценная наша находка в этом мире.

– Так что – все-таки можно сделать? – Макс ничего не понимал.

– Не могу сказать... Надо пробовать, экспериментировать... – Начав копаться среди посуды, Эн досадливо махнул рукой. – Ну разве здесь можно что-нибудь найти? Делал я опыты с начинкой из разных слоев бородавочника, армируя ее кокосовым волокном. Что-то похожее на материал для ласт получалось. Надо вспоминать, поднимать записи.

– Вы и записи ведете? – удивился Макс.

Эн указал на дальнюю часть стены, увешанную большими белыми раковинами:

– Вот – использую их вместо бумаги. Обугленными осколками кокосовой скорлупы пишу черновые заметки, акулисты зубами выцарапываю уже надолго. Примитивно и путаюсь потом, но что поделаешь. Даже коры приличной здесь не достать; ту, что есть, использую только для самого важного. А бумага идет на совсем уж великие записи. Ладно, с ластами определились: помогу, чем смогу. А что насчет маски?

– Ну если с ластами сможете, то и замену резине на маску сумеете изобрести... думаю.

– Верно мыслите, – кивнул Эн. – Бородавочник – уникальный организм, на Земле ему нет аналогов. Если и были, то давно вымерли, оставив о себе на память залежи нефти. Много чего можно из него добыть, но я знаю точно, что добыть невозможно. Например, стекло.

– Я понимаю. Но стекло в маске можно заменить чем-нибудь другим. По пути в поселок я нашел пластиковую бутылку – из нее можно вырезать пластину.

– Бутылки и здесь есть – они в воде не тонут, и после забав светляков их можно собирать с плота вокруг буя. Однажды за один раз нашли штук пятнадцать – видимо, свалка угодила под

раздачу. Вот только пластик там тонкий – деформироваться будет, если задумаете приличные глубины покорить. Он ведь почти как бумага по несущим свойствам. Нет, не подойдет.

– Есть еще один вариант. Я, когда сюда попал, доплыл до буя и нашел на нем очки солнечных. Женские, с огромными стеклами. Вот их можно на маску пустить – стекло не прогнется.

– Это может быть не стекло, а прозрачный пластик.

– Все равно прочный – выдержит.

– Больше ничего на том бую не было полезного?

– Нет. Только пятно окровавленное нашел. И еще было заметно, что кто-то там побывал до меня – копался в мусоре.

– Кровь? Возможно, не повезло бедолаге – появился прямо над буюм и упал на него.

– Наверное. Я там, неподалеку, нашел такого. Разбившегося. На рифе лежал. А очки остались на бую. Не догадался прихватить... Не понимал ведь тогда, куда попал.

– Не вините себя. Штормит здесь нечасто, так что никуда они не делись. Скажите, Максим, на какую глубину вы сможете нырнуть? Я имею в виду с маской и ластами.

– Да на рекордную можно и без них погрузиться – там просто груз нужен. Допустим, берешь тяжелый камень, ныряешь, а потом его бросаешь и всплываешь. Хотя лучше всего пояс с веревкой, чтобы наверх потом вытягивать его.

– Я понимаю. Речь идет не о рекордах, а о погружениях с какой-либо целью. Допустим, вы собираете на дне все те же ракушки. На какой глубине сможете работать?

– Ну... я не знаю... Я ведь никогда не пробовал. Не занимался этим. Вообще, по моим ощущениям, даже без маски и ласт сегодня метров на восемь – десять доставал, а то и больше. Но трудно было с непривычки.

– Возможно, преувеличиваете, сами того не понимая, но даже так неплохо... На Земле доводилось глубоко нырять?

– Десять метров. Хотелось больше, но не было возможности.

– Понятно... Максим, вы, как я слышал, появились здесь у дальнего буя. Не видели, какие там глубины?

– Нет. Мне не до этого было.

– Понимаю. Мы измеряли в нескольких местах – там обычно от десяти до двадцати метров. В среднем пятнадцать, значит. С маской и ластами смогли бы доставать со дна те же ракушки?

– Ну... Если с плота, с грузом... Да ничего сложного не вижу. Но отдыхать придется часто. Перепады давления. Я не привык к такому. Я просто пловец. Но ныряю очень хорошо.

– Решим с ластами – тогда будем решать с очками, – подытожил Эн. – Удивлены, что про глубины у буя спрашиваю?

– Нет.

– Почему не удивились? – заинтересовался Эн.

– Я умею хорошо слушать. И запоминать. Говорят, что не только людей сюда бросает, а еще много всяких вещей, что возле светячков оказываются. Думаю, среди них полезные попадаются.

– Думаете? Здесь мало кто думать не разучился... – медленно протянул Эн. – Жизнь наша проста, скорее, даже примитивна: нашел, съел, пошел спать, повторять этот цикл, пока есть силы. Вы человек новый и, как мне кажется, от природы сметливый, вот и не втянулись пока что в этот замкнутый круг. Постарайтесь не стать таким, как все.

– Постараюсь, – серьезно ответил Макс.

Девушка, вчера приносившая обед, бесшумно появилась рядом со столом, так же тихо поставила две парящие чаши из скорлупы кокоса, пошла назад, в сторону кухни. Эн сделал глоток, кивнул Максусу:

– Попробуйте. Вдруг понравится.

Днем воды не приносили, так что Макс до сих пор не напился вволю и предложение принял с радостью. Отхлебнул. Горькая вязущая жидкость, ничем не напоминающая чай. Скорее на лекарство похожа.

– Ну как?

– Пить можно, – через силу выдавил Макс.

– Спасибо, что не выплюнули. Мало кто на это способен, – сказал Эн без тени улыбки и так же серьезно продолжил: – Максим, я заметил, что вы человек целеустремленный. Только появились, а уже попали ко мне на прием по собственному желанию, а не по приказу. Это не так просто. Все новички ко мне приходят – их отправляют старшие: я их здесь расспрашиваю о том, как они сюда попали. Собираю информацию о светляках. С вами не успел побеседовать – сами появились. Хоть и по направлению от одного из наших старших, но по своей инициативе. Да и разговоры о вас уже успели пойти. Неудивительно: вы сумели выжить, добравшись к нам от дальнего буя. На моей памяти это всего-навсего второй случай. И даже не отдохнув после таких приключений, уже на следующий день сумели себя отлично зарекомендовать. А сделать это на банальной заготовке дровяка практически невозможно. Ладно... отвлекся я. Раз уж зашли, давайте по порядку рассказывайте: как сюда попали? Вспомните все до деталей – что происходило возле светляка. Про свой путь к поселку тоже расскажите – это интересно. Лишних деталей не бойтесь: каждое слово очевидца – это ценность.

* * *

Макс рассказал все. Как проворонил появление яркого метеора; как нехотя плелся за котельную; как пытался оттащить Леру от взбесившегося светляка. Про свой ужас не постеснялся рассказать, про попытки не замечать очевидных вещей и наивные надежды на то, что занесло его на обычный земной риф.

Эн слушал внимательно, ни разу не перебив. Когда Макс замолчал, выждал паузу и уточнил:

– Все? А эта Лера... Вы о ней с таким мечтательным выражением упоминали... Скажите, Максим, сильно к ней привязаны? Надеетесь, что она тоже здесь окажется?

Уже не удивляясь пронизательности этого странного человека, Макс кивнул и вдруг, неожиданно для самого себя, начал рассказывать дальше – свои размышления, замыслы, надежды. То, о чем до этого не знал никто.

Эн, выслушав так же внимательно, в конце рассказа удовлетворенно признал:

– Я действительно не ошибся в вас. И в самом деле целеустремленный человек. Для такого возраста необыкновенное качество. Я не о целеустремленности – она и младенцам бывает свойственна. Я о том, как вы, мало что еще понимая, выработали сложный стратегический план и правильную тактику для его достижения. Без посторонней помощи, своим умом. Далеко пойдете, Максим.

Поднявшись, Эн молча изучил развешанные на стене раковины, после чего заявил:

– Георгий появился здесь за шестьдесят четыре дня до вас. Все в рамках стандартной последовательности...

– Какой последовательности?

– Я здесь уже несколько месяцев и все это время записываю: кто, когда и с кем сюда попал. Уловил закономерность в этом явлении. Именно закономерность имел в виду, когда упомянул про последовательность.

– Я правильно понимаю? Вы хотите сказать, что знаете, когда здесь окажется Лера?!

– Не совсем так – вопрос несколько сложнее, чем вы думаете. Не все из тех, кто попадает в ловушку ФПС, оказываются здесь. По моим наблюдениям, даже если вся группа находится в двух-трех шагах от светляка, сюда долетает чуть меньше половины – сорок семь процентов.

Естественно, никто не может гарантировать, что остальные не утонули, упав в воду ночью, или не попали к Анфисе без свидетелей. Но не думаю, что таких неудачников целых пятьдесят три процента. Выходит, немало людей или на Земле остается, или по пути сюда с ними что-то случается. Только не спрашивайте что – механизм процесса переноса мне неизвестен. Те, кто в итоге оказываются здесь, прибывают не в один момент. Интервал их появления подчиняется простой последовательности: второй появляется через пятьдесят восемь – шестьдесят семь дней после первого; третий через шестьдесят девять – семьдесят четыре дня после второго.

– То есть Лера должна появиться минимум через шестьдесят девять дней после меня и максимум через семьдесят четыре?..

– Вы уверены, что рядом, кроме вас троих, никого не было?

– Уверен. В последний момент показались еще люди, но от них до светляка было метров тридцать, когда все произошло.

– Если тридцать или хотя бы не меньше пятнадцати, то вы правы – именно в этот интервал следует ожидать ее появления. Дальние если и попадут сюда, то гораздо позже – другая зона у них. Или раньше, такое тоже бывает. Но я бы на вашем месте не сильно на это надеялся. Георгий прибыл благополучно, и вы тоже. Если и она здесь окажется, то получится сто процентов попадания. Статистика, конечно, может и не такое допускать, но шансы очень невелики. На моей памяти еще не бывало, чтобы абсолютно все зрители вроде вас оказались возле буй. Кто-то обязательно остается.

– Вы точно знать не можете. Сами ведь говорите, что Анфиса могла их съесть или утонули, и никто этого не увидел.

– Да. Не могу. Но если слушали меня внимательно, то понимаете – не все сюда добираются.

– Я понял.

– И еще: дальний буй почему-то работает странно. Разброс у него очень большой. Людей раскидывает на приличной площади. Так что ваша подруга вряд ли упадет к вам в руки.

– Знаю. Но не могу же я ничего не пытаться сделать... неправильно это.

– Если плавает хорошо и не угодит на риф, то шансы у нее высокие. До берега доберется. А уже там потребуетесь вы – сама она вряд ли найдет дорогу в поселок.

– Понимаю. Хотя я нашел.

– Вам повезло, что трубы увидели. С другой стороны есть посимпатичнее ориентиры – выберись вы на те рифы, отправились бы в обратную сторону. Впрочем, разговор не о том – вряд ли найдутся доводы, способные заставить вас отказаться от своей цели. Так?

– Да, – признал Макс. – Пусть даже останется миллиардная доля процента – я все равно должен ее дожидаться.

– Ну что же, сроки вы теперь знаете. Да их и без меня приблизительно все знают – не нужно изучать высшую математику, чтобы заметить очевидное.

– Вы случайно не ученый?

– Почему так подумали?

– Из-за ваших слов. Особенно когда называли светляк «ФПС»: так только ученые выражаются. И обращаться на «вы» к человеку, который чуть ли не в три раза младше... У нас в подъезде академик жил – он так ко всем детям обращался.

Эн бледно улыбнулся:

– Не все ученые столь уважительны к детворе. Но вы правы. Позвольте представиться: Вячеслав Ломакин – старший эксперт мобильной группы 11-К.

– Звучит непонятно...

– Всего таких групп было четырнадцать. По крайней мере, восемь месяцев назад. А создавать их начали около двух лет назад, когда зафиксировали первые случаи появления ФПС.

Задача мобильных групп: оперативно прибыть на место появления феномена и провести его исследование.

– Работа для смертников – ведь вы-то должны были понимать, чем это угрожает.

– Не совсем так. Нет, о том, что именно ФПС – виновник исчезновения множества людей и предметов, конечно, знал. Это определили почти сразу и особой тайны из явления не делали – сразу начали предупреждать население. Угроза... Если бы человек всего боялся, так и жил бы в пещерах. Появилось нечто неизвестное, из-за него пропадают люди и предметы – разве можно это оставлять на самотек? Вот и организовали группы, подобные моей I I-K. Недостатка в добровольцах не было: ведь ученые – люди любознательные. Когда власть сталкивается с чем-то угрожающим, нехватки средств тоже не бывает: на группах не экономили. Видели бы вы нас в действии. По тревоге в воздух поднимались вертолеты, и мы мчались к очередному объекту. Сколько дорогостоящего оборудования отправили в топку этих ненасытных огоньков...

– Хоть с толком? Узнали что-нибудь?

– Узнали многое и в то же время ничего. Изучали оптические и звуковые эффекты, измеряли гравитационные и магнитные аномалии, остающиеся после коллапса ФПС. Много чего изучали, но так и не узнали главного: что же это такое? Куда пропадают люди и предметы – тоже не узнали. И даже не поняли механизма процесса и его избирательности – нередко из толпы зевак пропадали два-три человека в дальних рядах, а ближние оставались. Помню случай, когда из стада коров исчезли четыре буренки и старик-пастух, а в семидесяти метрах от точки ФПС бесследно пропала трансформаторная будка. Случай, кстати, редчайший: сооружения под удар попадают нечасто. Но в тот раз группа рыбаков, прибежавшая посмотреть на объект, осталась невредимой – а ведь они стояли в десяти шагах. Внук пастуха тоже не пострадал, хотя находился ближе всех. Нередко бывало, когда зевак вообще не затрагивало, но зато из домов пропадали жители, которые вообще не знали, что неподалеку проявился ФПС. В общем, исследовали-исследовали, а толку никакого...

– Вы один сюда попали или вся группа?

– Вся группа. Все, кто в тот момент находился в вертолете. Видимо, сработало не по людям, а по технике, и нас кинуло одновременно – такое бывает, и мы даже готовились к подобному. Но увы, все равно оказались не готовы. Помню свое удивление, когда почувствовал, что падаем. Машина ведь на земле тогда стояла, в двухстах метрах от объекта – считалось, что это безопасная дистанция. Возможно, сыграло роль то, что от вертолета кабель к зонду тянулся. Миг свободного падения, а потом грохот, треск, вода со всех сторон... У нас не было шансов. ФПС на стадии коллапса сопровождается вспышками бета-излучения, и хотя опасную дозу получить трудно, почти на всех были защитные костюмы, все по правилам. Еще снаряжение разное, а у охраны оружие и боеприпасы. Сам не знаю, как сумел выбраться и скинуть с себя лишнее. А потом вдвойне повезло – Анфиса не смогла прикончить. Хотя в этом есть и моя заслуга – не растерялся, попав в море и столкнувшись там с акулой... – Подняв искалеченную руку, Эн пояснил: – Я тогда решил, что лучше потерять часть, чем целое. Рядом виднелись рифы – до них можно было и с тремя конечностями добраться.

– Вы сами засунули ей руку в пасть?

– Вообще-то это вышло почти случайно, но я не стал сильно уж переживать по этому поводу – акулы после успешной атаки не сразу возвращаются к жертве. Решил, что пока она будет заниматься рукой, успею добраться до суши. Так и получилось – эта рыбина отвлеклась на крошку моего мяса, упустив все остальное. Анфиса в этом отношении вообще уникальна: зачастую отхватит что-нибудь и уходит, потеряв интерес. Благодаря этой черте ее характера я выжил.

Макса покорила ирония Эна – сам он пришел в ужас от одной мысли, как бы поступил в такой ситуации. И, уже понимая, что бывший ученый почему-то ему симпатизирует, решил это чувство усилить – рассказать о своей идее насчет акулы.

– Знаете, я на эту Анфису уже два раза наталкивался. Точнее, она на меня.

– Вам повезло больше, чем мне...

– Да. Но третий раз рисковать не хочу. Мне кажется, я придумал способ, как ее убить.

– Да вы прямо бурлите идеями. И слушать вас интересно. Вы, надеюсь, в курсе, что эту акулу уже пытались убить?

– Да. Они использовали отравленные копья и плот, но не смогли пробить шкуру.

– Да. Лучшие копья не справились. Я не ихтиолог, но в одном уверен: таких акул на Земле нет. У нее не шкура, а кевларовый бронежилет. И вообще, она не рыба – дышит атмосферным воздухом, будто кит; зубы в один ряд, как у дельфинов; плавники тоже необычные. Здесь часто так бывает: дают тварям земные названия, которые не соответствуют истине. Просто по аналогии. Вот так и ее окрестили незаслуженно. Так что вы придумали?

– Я когда-то читал про способ охоты на белого медведя. Берется полоска китового уса, затачивается с двух сторон, сворачивается, облепляется жиром. Жир замораживают на морозе, и он не дает пластинке распрямиться. Комок оставляют в месте, где часто появляются медведи. Когда зверь его находит, то проглатывает. В желудке у него, конечно, тепло, и жир растапливается. Упругая полоска распрямляется и протыкает медведю внутренности. Такой способ использовали северные народы.

– Странно...

– Вы о чем?

– Да так... Просто некоторые мои коллеги уверены, что современное поколение, кроме этикеток на бутылках, ничего не читает.

– Я люблю читать. Любил. У меня вся семья читающая.

– Это хорошо, что вы не одноклеточный организм. Если читали литературу, где описаны способы охоты на белого медведя, то, надеюсь, и другие усвоенные вами книги окажутся не менее полезными.

Не понимая, иронизирует Эн или серьезен, Макс поспешно пояснил:

– Я знаю, что здесь нет белых медведей, не это имел в виду. Просто таким же способом можно убить и акулу. Я слышал, что неподалеку на берег выбросило мертвого кита. Надо взять у него китовый ус, сделать такую же полоску, свернуть, затолкать в выпотрошенную птицу – чайку, думаю, поймать нетрудно. В желудке она переварится, и полоска распрямится. Вряд ли его стенки покрыты прочной шкурой. Эту Анфису надо убить обязательно – она ведь очень мешает. Завтра, наверное, меня опять пошлют за ракушками, а я там еле-еле от нее удрал сегодня. Вот как нырять после такого?!

– Насчет ракушек не торопитесь – может, и не пошлют. Насчет вашего способа: ничего не получится. Во-первых: у нас нет китового уса. То существо, которое здесь называют китом, им не является. Я осмотрел тушу – это что-то вроде ихтиозавра. Или, скорее, мезозавра – лапы не до конца трансформировались в плавники. Хотя не уверен в терминологии – я не палеонтолог. Но это явно пресмыкающееся – типичный морской ящер. На Земле такие существовали в мезозойскую эру. Мезозавры, правда, были пресноводными, но это уже мелкие и спорные детали. Так что китовый ус отпадает.

– А если его чем-нибудь заменить?

– Нечем. У нас здесь негусто с выбором материалов. Только кораллы во всех вариациях, ракушки и паршивая древесина.

– Уже понял.

– Отравить Анфису пробовали не раз, но приманки она игнорирует. Хитрая тварь... Можно вместо китового уса сделать бамбуковую пластину или из гибкой ветки. Но сомневаюсь, что клонет на такое: очень осторожна и умна. Ох мы и заболтались! Стемнело, а я и не заметил! Завтра вам рано подниматься – простите, что отнял столько времени.

– Да ничего. Все отлично. Я узнал от вас много интересного. На такое времени не жалко.

– Я тоже не жалею: вы – интересный собеседник. Если будет желание, как-нибудь еще пообщаемся. Взгляд со стороны бывает полезен.

– Конечно, пообщаемся.

* * *

Жора не спал, и когда Макс улегся на песке, нетерпеливо зашептал:

– Ну чего так долго! О чем вы там столько проболтали?

– Да так... он очень интересный человек.

– Никто не спорит. Но почему так долго?

– Он решил, что я полезный собеседник. Сказал, что это не последняя наша беседа.

– Что это с ним... Он в тебе какой-то интерес видит?

– Не понял.

– Чего непонятного! Нужен ты ему зачем-то. Обычно он пять минут допрашивает новеньких, и все. А с тобой до полной темноты говорил.

– Если я ему и нужен, то понятия не имею для чего.

– Ты это... Ты, если что, держись за него. Он здесь не главный, но... Он вообще здесь на особом положении.

– Я это понял.

– Он много чего может.

– И это понял.

– Да тише вы! Спать не даете! – прошипел один из подростков.

– Уши заткни! – прикрикнул Жора.

– Пасть лучше заткни! – донеслось уже снаружи.

– Ладно. Спим, – вздохнул Жора. – Утром договорим или на рифах. Здесь не дадут.

Глава 10

Утром договорить не удалось и на рифах тоже.

На этот раз заминок с дневным заданием не было – Рыжий подошел к Максу, когда тот дожевывал остатки завтрака:

– Значит, так. Сегодня будешь пахать в команде Большого. Готовь ноги – далеко придется идти.

– Раз надо, то пойду. Жора тоже там будет?

– Зачем этот балабол там нужен?

– Я привык с ним...

– Да? – Рыжий на миг задумался, а потом кивнул: – Ну раз у вас такая великая любовь, то пусть тоже идет – мне без разницы кого посылать балластом. К тому же его к тебе приставили, как к новенькому, грех разлучать. Только не потеряйте по дороге – этот пентюх на ровном месте может ноги сломать.

Макс не знал, какая работа им предстоит, но, учитывая наличие в команде «элитного муравья», надеялся на нечто серьезное. Если это не повышение ранга, то как минимум неплохой шанс упрочить репутацию профессионала-пловца. Он не сомневался, что придется много и глубоко нырять – иначе почему взяли именно его?

Большой разговорчивее не стал и предстоящую работу обрисовал смутно:

– Значит, так: быстро собираемся и идем. Мы с тобой пустые корзины потащим, чтобы силы сохранить: нам нырять глубоко. У остальных будет вода и жрачка – обеда нам туда не принесут. Назад как получится: если много наберем, тогда и нам груз достанется. Если нет, то сами поволокнут. Работать-то нам – они просто носильщики. Посмотрим сегодня, как хорошо ты ныряешь...

* * *

Помимо Макса, Жоры и Большого в команде было два уже знакомых ему мальчишки: Снежок и Ник. Именно их он встретил первыми на пути к острову, но после этого не сталкивался, если не считать завтраков и ужинов. И еще был один постарше, но общаться с ним не доводилось, даже имени его не знал – лишь прозвище: Чукча. Невысокий коренастый парень лет семнадцати, со скуластым лицом и узкими глазами.

Сборы были недолгими. Большой лично выдал каждому по корзине, придирчиво выбрав их из кучи под навесом на задах кухни. Затем прошли через Пустой мыс, и далее уже привычно: мелководье, рифы, прыжки по камням, натужные шаги через сопротивляющуюся толщу воды. Они удалялись в сторону, противоположную бую. Макса это радовало – чем дальше от места обитания Анфисы, тем на душе спокойнее.

Интересно: за чем они будут нырять, если им на двоих четверку носильщиков выделили?

Сутки в этом мире не совпадали с земными. Макс не знал, какова разница, но, похоже, чуть длиннее: минут на сорок или около того. Папин подарок продолжал исправно тикать – прошло почти три часа, прежде чем группа добралась до цели. По местным меркам очень приличное расстояние – теперь понятно, почему обед с собой понесли.

Большой остановился на краю рифовой гряды, молча разулся, сел на край, свесил ноги в воду. Макс последовал его примеру – и отдых отличный, и можно спокойно осмотреться.

Впереди простиралась круглая заводь, со всех сторон стиснутая невысокими рифовыми грядами. Почти посередине над водой выступал торец огромного цилиндра. Он возвышался над водой сантиметров на двадцать, а диаметр его был не меньше десяти метров. Поверхность

грязная, но Макс не сомневался – это очередной металлический объект, неизвестно кем и неизвестно для чего поставленный.

Большой начал пояснять:

– Здесь очень глубоко – метров пятьдесят, если не больше. Эта штука, наверное, до самого дна тянется. На ней мидии любят жить. Мы время от времени приходим и собираем их. Когда первый раз здесь были, набрали очень много, но потом все меньше и меньше получалось. Мидии растут медленно – не даем мы им становиться большими. Я хорошо ныряю, а ты, Макс, говорят, еще лучше. Вот и проверим: если достанешь до глубины, где никто еще не собирал ничего, то добыча будет офигенной. Сможешь?

– Попробую, – уклончиво ответил Макс и уточнил: – А мидий носильщики будут на берег оттаскивать?

– Тут на рифе плотик жердевой спрятан – пару груженных корзин выдержит. Наше дело наверх вытаскивать, а ребята на берег будут отправлять. Как очистим все, что сможем, так и пойдем назад.

* * *

Несмотря на безжалостно палящее солнце, поверхность цилиндра оказалась прохладной. Макс после заплыва уселся на краю, приводя дыхание в норму, а Большой отдыхать не стал – сразу нырнул. Появившись вскоре на поверхности, с досадой выдал:

– Ни хрена. Пусто. Ни одной не увидел – только зародыши с копейку. Но ничего, все осматреть надо. Хотя бы мелких набрать – должны быть обязательно. А ты чего сидишь? Нырай давай!

Макс проигнорировал требование – продолжил дыхательную гимнастику. И лишь когда Большой после третьей бесплодной попытки начал уже всерьез возмущаться, соскользнул в воду, пошел вниз.

Перебирая руками по гладкой поверхности цилиндра, погружался все глубже и глубже. Дна видно не было – солнечные лучи далеко внизу пробивали темную водную толщу, но ничего не освещали. Похоже, насчет пятидесяти метров Большой поскромничал – здесь настоящая бездна. Макс не знал, насколько успел погрузиться, прежде чем наткнулся на первую неровность – что-то торчало на ровном металле.

Ушел чуть в сторону, к находке. Есть! Увесистая черная раковина прилипла к поверхности цилиндра, а рядом устроилась парочка ее уменьшенных копий. Ухватил, расшатал, оторвал, засунул в трусы. Затем торопливо забрал оставшиеся – в груди уже поджимало.

На последних крохах кислорода вынесся на поверхность, тут же услышав язвительное замечание от Большого:

– Что? Решил все же искупаться? Ну и как водичка? Теплая?

Не отреагировав, Макс, быстро отдышавшись, вывалил на край цилиндра добычу. Большой моментально сменил тон:

– Есть! С почином! Глубоко сидели?!

– Очень глубоко. Еле достал. Надо было в отлив приходиться – хоть немного было бы легче.

– Да без толку в отлив нырять – эта зараза при любом уровне воды всегда на одном месте остается.

– Может, он плавает? Вроде буя?

– А хрен его знает. На волнах вроде не колышется. Еще сможешь достать?

– Не видел рядом ничего, но здесь еще осматривать и осматривать. Дыхание в норму приведу и попробую.

– Ты дышишь как загнанный конь!

– Гимнастика это. Дыхательная. Пловцам полезно.

– Как это? Научишь?

– Это долгое дело – к ней привыкнуть надо. Научу. Но потом – некогда сейчас.

Макс нырял вновь и вновь, нечасто выбираясь без добычи. Наверху и впрямь было пусто, но зато в темной глубине, недоступной неопытным пловцам, мидии росли поодиночке и кучками. В самой большой попалося десятка четыре раковин – Максусу пришлось делать несколько попыток, чтобы забрать их все. Большой вскоре понял, что напрасно насилует себя – за все время не достал ничего. В итоге устроился на цилиндре, принимая добычу Макса, и, наверное, испытывал угрызения совести из-за того, что наговорил лишнего поначалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.